

ЯН МИР

ТЕНЬ БЕЛОГО ВОРОНА

*Зависть рождает ненависть. Ненависть превращается в яд.
Яд приносит смерть.*

Young Adult. Инстахит

Ян Мир

Тень белого ворона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мир Я.

Тень белого ворона / Я. Мир — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Инстахит)

ISBN 978-5-04-113790-8

Если верить старой легенде, в этот мир попадают худшие из грешников, которых не принял даже ад. Им был дарован шанс искупить свою вину. Но они его утратили. Они погрязли в ненависти, междоусобицах и войнах. Единственная надежда для оставшихся в живых – последний прибывший, чье появление возвестит о конце этого мира. Но что, если последний прибывший уже здесь?.. Рен нашел ее в снегу – хрупкую девчонку с медно-рыжими волосами. Как и все прибывшие, она не помнит, кто она и откуда. Однако явственно ощущает – в прошлой жизни она знала того, кто ее спас. Рен тоже чувствует с ней тесную связь. Хладнокровный убийца, наемник, он пытается объяснить ей – этот мир не прощает ошибок: проявление милосердия равноценно смерти. Кажется, девчонка не способна усвоить урок, но очень скоро она понимает – ради Рена она готова на всё.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113790-8

© Мир Я., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ян Мир

Тень белого ворона

И придет в муках последний незрячий, и воззовет к нему мир.

© Ян Мир, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Искалеченная реальность

Резкий удар сердца, судорожный вдох, распахнутые глаза.

Кто я?

Капли дождя ледяными иглами вонзаются в лицо.

Где я?

Черные скелеты мертвых деревьев пронзают сугробы, тянут свои ветви к свинцовому небу.

Что происходит?

Холодно. Очень холодно. Холод запутался и, похоже, навсегда застрял в заглубившихся складках плаща из какого-то жесткого материала, в который я закутана.

Мир движется. Постепенно приходит осознание – меня несут на руках. Подняв глаза, вижу лицо парня. Чуть заостренный подбородок, прямой нос, приподнятые скулы и высокий лоб. Его черные волосы, собранные в низкий хвост, кажутся седыми от инея. Вокруг нас витает странный аромат. Осторожно вдыхаю его, пробуя понять, на что он похож, и память услужливо откликается.

Раннее утро, солнце окрашивает небо в оранжевые оттенки, в прохладном воздухе витает запах грозы. Совсем скоро на землю обрушится ливень, и следом за ним появится лестница в небо¹. В ожидании предстоящей бури я стою на холме под деревом, прижимаясь спиной к его неровной шершавой коре, и верчу в руках мокрое от капель росы крупное зеленое яблоко. Подношу к глазам, рассматриваю. Недавно сорванное с ветки, оно кажется идеальным. Желание попробовать на вкус становится нестерпимым, и я незамедлительно вонзаю в яблоко зубы. Раздается хруст, кислый сок наполняет рот, и скулы болезненно сводит. Зажмуриваюсь от удовольствия и в этот момент понимаю – пальцы, в которых все еще зажато яблоко, не принадлежат мне. Это не я стою в тени дерева, не я ожидаю ливня. Все это – чужие воспоминания, непонятно как оказавшиеся в моей голове. От моего солнечного сплетения поднимается липкий страх, тянется к горлу, душит. По телу проходит волна дрожи. Образ, такой яркий, стирается, выбрасывая меня в реальность, но запах зеленого кислого яблока остается. И этот аромат исходит именно от парня, который продолжает нести меня на руках, проваливаясь по щиколотку в мягкие сугробы.

Его движения плавные, уверенные. Он идет легко, двигаясь в нужном ему направлении. Несмотря на зиму, на нем черная футболка с короткими рукавами. Значит, тот плащ, который слабо спасает меня от холода, на самом деле принадлежит ему. Заглядываю в необычные глаза парня – желтые, с темной оранжевой радужкой вокруг зрачка. Их цвет напоминает мне мед и янтарь.

Откуда-то сбоку раздается хриплое карканье. Медленно поворачиваю голову в сторону звука и вижу, как крупный ворон, осыпая снежный покров, срывается с ветки дерева и взлетает ввысь, подставляя крылья потокам ветра. Одновременно с этим в мое тело вгрызается боль, заставляя сильно выгнуться в спине. Дыхание перехватывает, оно становится рваным, с хрипами. Рот искажается в немом крике, голова запрокидывается, из глаз брызнули слезы. Короткая передышка – и все сначала. Боль корнями оплетает внутренние органы, просачивается глубже в вены. Судорога пробегает по плечам, выкручивает руки.

Чей-то крик, пытаюсь прорваться сквозь красную пелену сознания, слабым отголоском доносится до моего слуха, но его заглушает громкий пульс в ушах. Слова сливаются в шум

¹ Природное явление. Солнечные лучи пронзают облака и как бы спускаются на землю, образуя столбы света.

и растворяются в потоке пламени, что бушует под кожей. На моем лбу выступают бисеринки пота, скатываются к вискам. За ребрами жар. Он распространяется дальше, превращая меня в комок оголенных нервов. Я все еще продолжаю выгибаться, чувствуя хруст собственных позвонков.

Не могу понять точно, сколько все это продолжается. Кажется, время замедляется во время приступов и сразу же выстреливает пружиной, когда я пытаюсь перевести дух. Кровь бурлит, на языке металлический привкус. Мечтая избавиться от него, старательно сглатываю.

«Ты меня слышишь?» – вместе с вопросом приходит новый прилив боли. «Если ты сейчас собираешься сдохнуть, то я немедленно брошу тебя», – звучит достаточно грубо. Рассредоточенным взглядом пытаюсь сфокусироваться на лице парня. Хочу кивнуть ему, но голова слишком тяжелая. Приближение приступа взрывает сознание всполохами красок. Кое-как высовываю руку из складок плаща и цепляюсь пальцами за черную футболку, комкаю ткань, скрежещу зубами. «Твою мать, ТЫ МЕНЯ ПОНИМАЕШЬ?» – во взгляде парня читается раздражение или даже злость.

Нужно показать ему, что я не собираюсь умирать, иначе он действительно меня бросит. Паника остаться один на один с болью заставляет приложить титанические усилия и немного подтянуться ближе к лицу парня. Я хочу жить. Хочу жить. Криво растягиваю губы в подобии жалкой улыбки и шумно выдыхаю. Спустя мгновение мир меркнет перед глазами.

Все, что мне удастся услышать перед тем, как провалиться в темноту, – довольное хмыканье.

* * *

Высоко в небе парит черный ворон. Дикая местность под ним сменяется каменной стеной, за которой распростерся огромный разрушенный город. Высокие здания опасно накрены, неровный асфальт покрыт трещинами, дома увиты диким плющом. Он разрастается, подбираясь к крышам.

Птица пролетает над длинным подвесным мостом, где в беспорядке застыли машины, покрытые ржавчиной, которая день за днем пожирает металл. Через широкую дыру в бетоне моста видно море. Его волны с шумом разбиваются друг о друга.

Я едина с птицей, едина с городом. Я часть всего этого. Мое «я» бесследно стирается. Ворон принимается кружить над мостом. Желтые глаза внимательно что-то высматривают. «Время», – проносится шепот совсем рядом с моим ухом. Сделав резкий взмах крыльями и издав крик, ворон бросается вниз. Набирая скорость, он стремительно падает. «Разрушь!» – властный голос врывается в сознание в тот момент, когда птица уже должна разбиться, встретившись с мостом.

Звук хлесткого удара выдергивает меня из сна. Какая-то часть меня все еще осталась там, за гранью реальности, другая же лежит на сыром бетоне и собирает себя по кускам. Мышцы болезненно ноют, будто бы после долгой пробежки. Голова ватная. Поднимаю веки и несколько раз моргаю. Тусклый свет помещения режет сетчатку глаз. Следом приходят запахи и холод, пробирающий до костей. На мне больше нет плаща. Только грязное белое платье с тонкими лямками на плечах длиной чуть ниже колен. Шевелю указательным пальцем, прислушиваясь к своим ощущениям. Боли нет, приступов тоже. На меня опускается едва заметное облегчение и тут же испаряется, стоит лишь взглянуть на серую стену с темными подтеками воды. Неясное беспокойство сдавливает затылок, завладевая сознанием. Ощущение – я в клетке – вынуждает осторожно перевернуться на спину и приподняться на локтях.

Тишину помещения нарушает уверенный голос, принадлежащий мужчине среднего роста. Напротив него, со связанными за спиной запястьями, сидит тот самый парень, что нес меня на руках. Он нагло усмехается разбитыми губами и переводит взгляд на меня.

На несколько коротких секунд мы встречаемся глазами, и его улыбка становится шире, а мое сердце сковывает льдом. Судорожно напрягаю память, пробуя вытащить из нее какие-то обрывки прошлого. Если парень мне враг, значит, мужчина вполне может быть другом и тогда я могу не переживать за свою жизнь. Но что если все с точностью наоборот? Как ни стараюсь – в моей голове нет ни одного воспоминания. Я словно чистый лист, без имени, без даты и без места рождения. Сглатываю тягучую слюну и встревоженно оглядываюсь по сторонам, ощущая вязкую беспомощность в районе горла. Помещение, где мы находимся, больше напоминает камеру, нежели жилую комнату. Сердце заходится в быстром ритме.

Предпринимаю попытку подняться на ноги. Мужчина все еще стоит спиной ко мне и поэтому не видит, как я, упираясь ладонями в шершавую поверхность бетона, аккуратно встаю, зато это замечает парень. Он медленно качает головой из стороны в сторону, приказывая мне не двигаться, но я не слушаю его. Не успев до конца распрямиться, краем глаза замечаю какое-то резкое движение совсем рядом с собой. Удар в солнечное сплетение сгибает меня пополам и рывком опускает обратно. Колени встречаются с бетоном, лоб утыкается в пол. Хватаясь за живот, рвано втягиваю затхлый воздух. Все произошло слишком быстро. Боль смешивается с унижением и растекается внутри горячей пульсирующей волной. Вот он – один из ответов на недавний вопрос. Друзей здесь нет.

– Тим! – оглушительно рявкнул мужчина.

Сжав зубы и слегка приподняв голову, украдкой слежу за его действиями. Он отрывает свой взгляд от парня и в несколько шагов приближается к тому, кто меня ударил.

– Я отдавал тебе приказ ее бить?

– Она встала, – бормочет Тим.

– Мне плевать. Она всего лишь девчонка. Мог бы просто заломить ей руки. Бить не обязательно.

– Я думал...

– Думать здесь буду я!

Напротив моего лица останавливается обувь с блестящими железными носами. Непроизвольно дергаюсь и поднимаю голову еще выше, скользя взглядом по черным штанам из грубой материи, темно-синей футболке и черной кожаной куртке. Наконец смотрю на мужчину, который до недавнего времени стоял ко мне спиной. Его подбородок гладко выбрит, каштановые волосы с несколькими седыми прядями зализаны вверх настолько идеально, что ни один волос не выбивается из прически. Носом улавливаю аромат дорогого парфюма с горькими нотками. Мужчина слишком сильно выделяется, смотрится негармонично в этом грязном помещении. И от этого мне становится еще больше не по себе. Выгляди он иначе – можно было бы попробовать догадаться о том, какие мысли рождаются у него в голове.

– Ты в порядке? – спрашивает у меня мужчина, присаживаясь на корточки.

На этот раз в интонации его голоса нет жесткости. Но и обеспокоенности в нем тоже не слышно. Вопрос режет слух скупой насмешкой. «В порядке?» Как можно быть в порядке, не понимая происходящего вокруг. Проницательный взгляд мужчины будит во мне злость, и она придает сил. Разжимаю крепко сжатые челюсти.

– Пошел ты, – тщательно выговариваю каждую букву.

Из-за дрожащего голоса получается как-то не слишком уверенно. Связанный парень широко ухмыляется моему старательному ответу. Мужчина тяжело вздыхает, и я съеживаюсь, ожидая затрещину за неуважительное отношение к старшим. Не стоило мне так с ним разговаривать. Кто знает, как далеко находится от меня Тим.

– Я не сержусь на тебя, – мужчина прерывает затянувшееся молчание. – Понимаешь, все дело в том, что ты встала. А Тиму не нравится, когда пленники двигаются без моего разрешения, – он пожимает плечами.

Коротко киваю. Конечно, я понимаю. И даже больше того – уверена, ему самому не нравится, когда кто-то в этом здании даже просто дышит без его согласия. Сейчас становится ясно – мужчина здесь главный. Перевожу затравленный взгляд на Тима, встречаясь с его бесцветными глазами. Плотный, высокий, с угрюмым выражением лица. Из одежды – синие поношенные штаны и мятая серая растянутая футболка. На ногах стоптанные коричневые высокие ботинки со следами засохшей грязи. Сразу заметно – Тим головой работать не любит, если, конечно, ей бить не надо. По крайней мере, мне повезло, что обувь Тима не оснащена железными носами, иначе я бы не отделалась так легко. Связанный парень продолжает самодовольно улыбаться, внимательно наблюдая за каждым моим движением. В его взгляде ни капли сочувствия. Только холодный расчетливый интерес, от которого мне становится не по себе.

Поднимаясь на ноги, мужчина хмуро смотрит на Тима.

– Головой думай, нам товар Гаю отдавать, – вскользь делает ему замечание.

– Тогда этого, – кивнул Тим в сторону парня, – бить тоже не стоило.

В один шаг мужчина оказывается перед Тимом и пальцами резко хватает за щеки. Уставившись в бесцветные глаза, жестоко улыбаясь и четко, будто впечатывая каждое слово в его голову, произносит:

– Ты вздумал мне указывать?

Скрытая угроза в голосе прошибает не только Тима, но и меня. Замерев в неудобной позе, стараюсь не двигаться и стать как можно незаметнее – не хочется мешать чужим разногласиям. Лицо Тима бледнеет. Стоит мужчине отпустить его, как Тим делает шаг назад и резко выдыхает. На его щеках остаются красные следы от пальцев. Снова перевожу взгляд на парня. Он ловит каждое сказанное слово. Мужчина тоже это замечает:

– Что, интересно? – спрашивает у него с усмешкой.

Его почему-то радует любопытство пленника. Неужели он разглядел в нем собеседника, дотягивающего до его уровня, или же просто решил снизить до того, чтобы поболтать с «гостями»?

– Так мы что-то вроде товара? – парень спрашивает с такой легкостью, точно сейчас идет разговор не о наших жизнях.

– Именно, – кивает мужчина.

– Кто такой Гай?

Тим продолжает стоять рядом со мной, цепко следя за ситуацией.

– Вот познакомишься, – мужчина делает шаг к парню, – и узнаешь.

– Садист этот Гай, – вмешивается в разговор Тим, но тут же смолкает, стоит только главному бросить на него ледяной взгляд.

– А девчонку не жалко садисту отдавать? – с легким пренебрежением задает вопрос парень, указывая глазами в мою сторону.

От перспективы оказаться в руках Гая в моем желудке появляется холод, а во рту скапливается соленая слюна. К взмокшим ладоням липнет ткань платья.

– Жалко, – равнодушно разводит руками мужчина. – Я ж не бездушная скотина. Но свою команду еще жалче. Нам кушать надо. А они платят деньги и снабжают необходимыми вещами.

На моей коже выступают мурашки.

– И это, по-твоему, не «бездушная скотина»?

Мужчина криво улыбается и убирает руки в карманы штанов. Тим, без слов понимая приказ, в мгновение оказывается рядом с пленником и со всей силы бьет его кулаком в челюсть. Я в этот момент крепко зажмуриваюсь, ощущая, как от удара заныли даже мои зубы. И только когда проходит несколько секунд, сглатываю, медленно открывая глаза. Парень, ловя на себе мой сочувствующий взгляд, сплевывает кровью в сторону, затем гордо поднимает голову и продолжает нагло ухмыляться. Все это выглядит нереально, жутко и кажется плохим сном, что

рассеется дымкой при первых лучах солнца. Нужно лишь дожидаться рассвета, вот только ночь тянется слишком долго.

– Скоро вас отвезут, – обещает мужчина, проходя мимо пленника в сторону выхода.

Значит, все уже решено. Избежать участи не получится. Связанный и избитый парень не слишком хорошо подходит на роль защитника, а у меня самой нет ни одной идеи, как выбраться из плена.

– Последний вопрос, – крикнул ему в спину парень, обернувшись через плечо. – Сколько ты уже сплавил?

– Я не веду охоту на людей, – ответил мужчина и перешагнул через порог.

Не задерживаясь в камере, Тим вышел следом за ним и плотно закрыл дверь. Затем раздался звук ключа, проворачиваемого в замочной скважине. Нас заперли, и это было вполне ожидаемо. Понимая, что на какое-то короткое время мне ничего не грозит, я аккуратно распрямилась и пошатываясь подошла к ближайшей стене. Села, прислонившись к ней спиной и, чтобы отвлечься от болезненной пульсации в животе, принялась рассматривать бетонную коробку. Парень, видимо, в надежде развязать веревки, задвигал запястьями за спиной, и на его жилистых руках, словно рисуя карту разветвления рек, появились вены. Попытка не принесла нужного результата, – поняв это, он бросил свою затею.

Я положила подбородок на согнутые колени и закрыла глаза, чувствуя ступнями холод от пола. Прошло не больше минуты, прежде чем едва различимый шорох привлек мое внимание, заставив поднять веки и посмотреть на парня. Он встал на ноги и теперь внимательно разглядывал меня. Лунный свет, проникавший сквозь решетчатое окно у самого потолка, падал на его лицо, освещая разбитую губу, синяк на скуле, и скользил дальше, играя бликами на сережках в левом ухе. Три из них в виде колец шли от мочки и выше. Четвертая же представляла собой небольшой полукруг и находилась на внешнем хряще. Черные волосы, собранные в хвост, доходили до середины бедер. Шею в несколько слоев обматывал грязный потрепанный бинт.

– Привет, – непринужденно произнес парень. – Меня зовут Рен.

Все, на что у меня хватило сил, – слабый кивок в ответ.

– А тебя? – его голос не звучал дружелюбно или враждебно.

– Я, – начала я осипшим голосом, – я не помню, – небольшая пауза в новой попытке вытолкнуть из памяти хоть что-то похожее на собственное имя. – Или не знаю, – добавила сдавленным шепотом, признавая свое поражение.

Еще совсем недавно мне нестерпимо хотелось жить. Теперь же слишком большое количество событий за столь короткий промежуток времени принесло сильную усталость. Есть ли смысл пробовать отыскать собственное имя в закоулках памяти, когда впереди маячит перспектива оказаться в руках садиста?

– В твоей голове присутствуют хоть какие-то обрывки воспоминаний до того, как ты очнулась у меня на руках? – поинтересовался Рен, приближаясь и останавливаясь напротив.

Я нахмурилась, старательно припоминая. Нет, ничего, пусто. Позвонок неприятно заныл, стоило лишь вернуться мыслями к видению о холме и надвигающейся буре. Но ведь оно не принадлежит мне, а раз так, значит, я о себе ничего не знаю.

– В таком случае, – с едкой усмешкой проговорил Рен, – добро пожаловать в прогнивший мир. – Он медленно поклонился, словно только что отыграл спектакль перед зрителями в театре и, выдержав паузу, продолжил: – Сюда попадают грешники после смерти.

– Хочешь сказать, я в аду? – спросила я, чувствуя сомнение насчет правдивости его слов.

Или мне действительно не посчастливилось родиться в страшном мире, или же Рен психически нездоровый.

– Даже не мечтай. Это место хуже, – пояснил он, не сводя с меня глаз и продолжая надменно улыбаться.

Видя недоверие на моем лице, Рен выпрямился и сел рядом со мной, прижимаясь своим плечом к моему.

– Здесь нет ада и рая, ангелов и демонов, – продолжил говорить он. – Так что оставь эту чушь там, откуда ты пришла, и больше не перебивай меня. – Рен ненадолго замолчал, устраиваясь поудобнее. – В этот мир стекаются люди, совершившие разные грехи, – опираясь спиной на стену, вытянул одну ногу вперед, а другую согнул в колене. – К примеру, убийство, – безэмоционально принялся перечислять, повернув ко мне голову. – Ну или самоубийство, что тоже считается грехом.

Казалось, что хуже уже быть не может, но слова Рена доказывали обратное. Мое недоверие постепенно ослабевало под напором его уверенности в собственной правоте. Мысль о жутком мире вызвала новый прилив страха, который начал подниматься со дна желудка, расходясь рябью по поверхности обретенной шаткой веры в кошмар и разрушая иллюзию сна. Реальность ледяными пальцами сдавила шею.

– И что здесь делает такое сборище грешников? – охрипшим голосом поинтересовалась я.

После этого вопроса стало ясно – я окончательно сдалась, поверив Рену.

– Искупают свою вину, помогая ближним, и учатся жить в гармонии, – равнодушно пояснял он. – Но так было раньше. Сейчас же здесь самый настоящий хаос. Видишь ли, те, кто приходят в этот мир, ничего не помнят из своей прошлой жизни, кроме каких-то навыков или талантов. А если люди не помнят, за что их сюда отправили, и тем более не помнят, что же такого ужасного они совершили, то и исправлять, по их мнению, нечего. К тому же о каком мире может идти речь, если последние прибывшие оказались здесь уже после того, как тут все начало гнить. Так что если хочешь выжить, подстраивайся под правила этого мира.

Все сказанное Реном пробирало до дрожи, складываясь в мрачную картину. Нервною, я неосознанно закусил нижнюю губу, с каждым разом зажимая ее зубами все сильнее, пока не почувствовала соленый металлический привкус.

– Забыл самое главное, – азартно улыбнулся Рен, – если умрешь в этом мире – умрешь навсегда, и не сможешь возродиться в другом. Это билет в один конец. И постарайся не воспользоваться им сразу.

Выражение его лица, эта улыбка и глаза, горящие решительностью, – пугали. С потолка, нарушая тишину помещения, капала вода. Рен прикрыл глаза и замолчал. Его грудная клетка размеренно поднималась и опускалась. Казалось, его не смущала ни эта бетонная коробка, ни то, что с ним сделали и сделают в недалеком будущем. Слизиывая кровь с губы, я покосилась на Рена.

– Рен, – осторожно позвала его.

В нем ощущалось что-то смутно знакомое и давно забытое. Наверное, именно это и натолкнуло меня на следующий вопрос.

– Что? – незамедлительно произнес Рен, придвигаясь еще ближе ко мне.

Тепло от его тела поднялось к моей ключице и устремилось выше. Вместе с ним под ребрами болезненно отозвалось странное спокойствие.

– Мы ведь не были раньше знакомы?

– Именно, мелкая.

– Тогда почему ты решил меня подобрать?

Рен открыл глаза и холодно посмотрел на меня.

– Тебе обязательно это знать?

– Да, – уверенно произнесла я.

– Считай, это акт доброй воли. Сойдет?

– Сойдет.

– Отлично, – он прикрыл глаза, намереваясь еще немного вздремнуть.

Луна скрылась за тучами, помещение погрузилось в темноту. Тишина разъедала, и вместе с ней в голове появлялись страшные образы. Единственная возможность избавиться от них – слышать чужой голос.

– Хочешь, развяжу тебя? – прошептала я.

– Будь это так просто, я бы справился сам, – равнодушно проговорил Рен. – Тут узел хитрый. Его только резать.

– И где взять нож?

– У спасителя, – пожал плечами Рен.

– За нами кто-то придет?

– Кто-то же должен отвезти нас к Гаю.

Слабая надежда разлетелась осколками, в горле появился ком.

– Это шутка? – тяжело сглотнув, поинтересовалась я.

– Похоже, что я смеюсь? – серьезно ответил Рен, пристально вглядываясь в мое лицо.

– Как мы тут оказались? – я решила перевести тему.

Не хотелось лишний раз напоминать себе о предстоящем знакомстве.

– Слишком много вопросов даже для прибывшего, – раздраженно произнес Рен.

– И все же? – не унималась я.

Безмолвие пугало.

– У меня было задание. И я с ним справился, используя тебя как прикрытие.

– Прикрытие?

– Что-то вроде того, – Рен дернул плечом. – Сама подумай, будь я один – оказали бы мне такой радушный прием? Конечно же нет. А вот балласт в виде потерявшей сознание девчонки на руках создал иллюзию моей беспомощности перед лицом врага. Никто особо не насторожился на мой счет, поверив, что я беспокоюсь за твою жизнь и потому стану беспрекословно исполнять приказы. Мне нужно было лишь подыграть, что я и сделал. К тому же не такие уж они и сволочи, как я думал сначала. Тим даже взвалил тебя на плечо и донес до камеры.

– Он ударил меня, – возразила я довольно резко.

– Ты должна была слушаться, когда я дал тебе знак лежать и не двигаться, – Рен зевнул.

– Откуда я знала, что тебя нужно слушаться.

– Промотай диалог на фразу выше. Я не говорил, что нужно. Я сказал – должна была слушаться. Сейчас ты как слепой новорожденный котенок. Ничего не знаешь, не умеешь и не понимаешь. Хочешь выбраться живой – делай то, что я говорю.

– Думаешь, есть шанс? – язвительно поинтересовалась я и, не желая больше переругиваться, тут же перевела тему: – Что у тебя было за задание?

– Заткнись, – равнодушно отозвался Рен, в очередной раз закрывая глаза.

За дверью послышались шаги, заставив насторожиться. Кто-то прошел мимо, не задерживаясь рядом с нашей камерой.

– Я умерла? – вновь вырвался у меня вопрос.

– Где-то да, – растягивая слова, недовольно протянул Рен. – А здесь ты пока еще жива.

Оговорка «пока еще» неприятно резанула слух. Все мое тело словно покрылось вязкой тянущейся жижей. И чем больше я пыталась отбросить от себя это неприятное ощущение, тем сильнее в нем увязала.

– Ты сказал «отправили».

Рен покосился на меня. Лунный свет разлился по бетону, удлинил тени.

– А до этого ты говорил «стекаются люди», – продолжила я. – Оговорился или же знаешь больше, чем хочешь показать?

Рен цыкнул сквозь зубы и отвернулся. Ему уже порядком надоели мои вопросы, однако он продолжал отвечать.

– Стекаются – значит, совершают грех и становятся ближе к этому миру. – Рен опустил веки. – Но прийти сюда сами люди не могут. Есть те, кто доставляет грешников в эту реальность. Здесь все находится в своего рода принудительной ссылке.

– Всех грешников отправляют в этот мир?

– Нет, – натянуто проговорил Рен. – Только тех, что пали ниже некуда.

– А как их находят? В смысле, как их выделяют из числа остальных? И кто их сюда доставляет?

Вытянув вторую ногу, Рен сделал глубокий вдох и медленный выдох.

– Если ты сейчас закроешь рот и будешь молчать до конца нашего пребывания в этой камере, я тебе как-нибудь об этом расскажу, – пообещал он.

* * *

Меня разбудил звук поворачиваемого в замке ключа. Вздвогнув, я открыла глаза и с трудом подняла голову с плеча Рена, пытаюсь понять, где нахожусь. Вместе с последними воспоминаниями пришел страх, прогоняя послевкусие беспокойного сна. Помещение наполнилось скрипом дверных петель, затем тяжелыми шагами. Из темноты появилась крупная фигура Тима.

– Подъем, – грубо произнес он, держась от нас на расстоянии.

Я попробовала встать, но получилось далеко не сразу. От долгого сидения все тело затекло и теперь отказывалось плавно двигаться. Зато Рен первым рванул с места и за долю секунды сократил дистанцию между собой и Тимом. Размахнувшись правой ногой, он со всей силы ударил его в бок. Послышался приглушенный вздох. Тим врезался в стену, после чего сполз с нее. Вместе с ним от трещины, слегка увеличившейся в результате удара, вниз упало несколько мелких кусков штукатурки.

– Не рассчитал, – без эмоций произнес Рен, затем обернулся ко мне. – А вот и наш спаситель, – кивнул на Тима. – Чего ты ждешь? Обыскивай его, – поторопил меня Рен, выпрямляясь во весь рост.

Я едва ли доходила ему до плеча. Не теряя времени, приблизилась к безвольному телу и принялась рыться по карманам. В них было пусто. Пришлось нерешительно оглянуться на Рена и поймать его вопросительный взгляд.

– Пояс, мелкая, – он подсказал нужное направление, и вскоре мои пальцы нащупали рукоятку ножа.

Стоило вытащить его из ножен, как лезвие сверкнуло в слабом свете, проникающем из коридора. Рен повернулся спиной ко мне и терпеливо ждал, пока я перерезала веревки. Освободившись, Рен принялся растирать затекшие запястья, затем протянул руку к ножу:

– Гони сюда, – приказал мне.

– Нет, – я покачала головой, прижимая нож к груди.

Мне не хотелось отдавать единственное оружие Рену и тем самым, возможно, подставлять себя под удар. Рен бросил на меня раздраженный взгляд, затем резко схватил мою кисть, и с легкостью вывернув ее, забрал нож.

– Мелкая, мне некогда с тобой играть, – в его голосе проскользнули холодные нотки.

– А что если у меня талант обращаться с холодным оружием? Ты ведь сам говорил, что у людей, приходящих сюда... – начала было я отстаивать свое право на нож, но Рен меня перебил:

– Единственный твой талант – это нервировать меня своими вопросами.

Подбросив нож в воздухе и перехватив его поудобнее, Рен выглянул из камеры. Посмотрев по сторонам, махнул мне рукой, приглашая присоединиться. С отобранным оружием мои и без того небольшие шансы спастись стали еще меньше. По крайней мере, Рен не собирался меня бросать, и это немного обнадеживало. Хотя доверия к нему у меня не прибавилось, все

же пришлось положиться на него и пойти следом. В любом случае это лучше, чем оставаться в ожидании жуткого конца. А в том, что он будет жутким, я была полностью уверена.

Стараясь двигаться как можно тише, мы вышли в просторный коридор, выкрашенный в зеленый цвет. На стенах тускло горели лампочки. От сладковато-затхлого запаха у меня закружилась голова. В очередной раз махнув рукой, Рен приказал ускориться. Он двигался быстро, постоянно прислушиваясь к звукам. Чуть дальше коридор разветвлялся на два прохода: один поворачивал направо, а второй уводил влево. Лампочка над моей головой начала мигать. Нервы накалились до предела и каждый шорох, отзывавшийся слабым эхом, только обострял их. В одном из поворотов послышался мелодичный свист. У меня пересохло в горле, язык прилип к нёбу. Рен обернулся через плечо и приложил палец к губам – ни звука, потом занял выжидающую позицию. Свист становился громче, по моей спине тек холодный пот.

Сначала появилась тень. Следом за ней показался молодой парень с коротким ежиком волос. Увидев нас, он на какое-то мгновение замер, а затем рывком достал клинок из-за пазухи и кинулся с ним на Рена. Я инстинктивно отскочила в сторону и испуганно вжалась в стену. Сталь соприкоснулась со сталью – Рен успел отразить нападение. Отпрыгнув, он ушел назад и вниз в тот самый момент, когда клинок со свистом разрезал над ним воздух. Краткая заминка нападающего позволила Рену молниеносно приблизиться и вогнать лезвие по самую рукоятку в грудь.

На лице парня отразилось удивление, кадык дернулся. Толкнув нападавшего к стене, Рен ладонью надавил на его плечо и с небольшим усилием вытащил обгаренное кровью оружие, затем без каких-либо эмоций направился к левому повороту.

Бездыханное тело сползло на пол, замирая в неестественной позе. На бледном лице невидящим взглядом застыли широко распахнутые глаза. Левая сторона майки окрашивалась в темно-красный цвет. Я не могла пошевелиться или хотя бы отвести взгляд, продолжая смотреть, как по поверхности ткани все шире и шире расплывалось пятно. Именно это имел в виду Рен, советуя мне «подстроиться под правила этого мира»? Колени подгибались, гортань сдавило, пол уходил из-под ног. Сознание отключалось, не желая мириться с действительностью.

Рен остановился, цыкнув сквозь зубы, затем резко направился обратно ко мне. Я запоздало попыталась броситься от него в сторону, но он успел поймать меня за предплечье и, несмотря на все мои жалкие попытки вырваться из его хватки, рывком притянул к себе. Равнодушно скользнув взглядом по мертвому парню, он перевел взгляд на меня, приподнимая левую бровь в немом вопросе. Мы еще какое-то время поиграли в гляделки, затем Рену это надоело. Разозлившись, он сильнее сжал мое предплечье и наклонился, приблизившись губами к моему уху. «Не смей задерживать», – прошептал жестко. По позвоночнику пробежал холодок. Пальцы Рена опустились к моему запястью. Крепко сжав его, он двинулся в противоположную сторону от той, откуда появился парень. Я шла следом за Реном, чувствуя, как в стопы вбивается мелкий мусор в виде жалких клочков бумаги, камешков и каких-то поломанных небольших кусков деталей из металла и пластика. Все мое тело сотрясало от крупной дрожи, по мне тек ледяной пот. Пропитываясь им, платье липло к коже. Наверное, меня лихорадило.

Мы уходили дальше по коридору, минуя закрытые двери в стенах. Свет почти перестал гореть, тусклые лампы работали через две. Внезапно Рен остановился и процедил что-то грубое сквозь зубы. Я встревоженно подняла на него взгляд. Перед нами находилась лестница с ободранными деревянными перилами и широкими ступеньками, которые уводили вниз, обрываясь слишком далеко до лестничного пролета. Прыжок на нижний этаж, в лучшем случае, мог закончиться переломом ног. Я уже было подумала, что Рен предложит вернуться обратно, попробовав другой путь, но оттуда, откуда мы пришли, доносилось эхо чужих шагов. Потянув меня за запястье, Рен начал подниматься вместе со мной на этаж выше. Достигнув нового лестничного пролета, он вновь замер и напряженно стал всматриваться в темноту. Судя по его серьезному выражению лица – нас загнали в угол. Стараясь не паниковать, я принялась

считать трещины в стене. Взгляд перескакивал с одной на другую, пока не наткнулся на окно. Полностью запыленное, с грязными разводами, оно располагалось высоко от пола и выводило на крышу. Рен тоже его заметил.

– Слушай внимательно, – подойдя почти вплотную и наклонившись, проговорил он спокойным ледяным тоном мне на ухо. – У нас есть два варианта. Первый – нас убьют тут. Второй – мы выберемся через окно и попытаемся сбежать. Но есть вероятность того, что и там нас настигнет первый вариант. Что выбираешь?

Долго раздумывать над ответом не пришлось.

– Второе, – не колеблясь, сообщила я.

– Умница, – похвалил меня Рен, отодвигая за свою спину.

Одной рукой он прикрыл свое лицо, а второй разбил окно. Кое-как наспех выбив оставшиеся осколки, подставил ладони, дав мне возможность выбраться первой. Наступив ему на руки, я подтянулась чуть выше и пролезла через оконный проем на частично занесенную снегом крышу. В грудь сразу же ударил резкий порыв ветра, дыхание ненадолго перехватило. Следом за мной поспешно выбрался Рен. Быстро оценив обстановку, он ринулся вперед, зная, что я побегу за ним.

Ледяной ветер обжигал кожу, спутывал пряди волос, рвал подол когда-то белого платья и, словно подгоняя, безжалостно толкал в спину. Я старалась не отставать от Рена.

– Нам нужно будет попрыгать по крышам. Поднажми, – сообщил он на бегу, перекрикивая завывания ветра.

Сначала его слова показались шуткой, но как только впереди начал прорисовываться край крыши, стало не до смеха. Тормозить уже было поздно – слишком большая скорость.

– Прыгай, – приказывает Рен.

Отбрасывая мысли о страхе прочь, безрассудно отталкиваюсь одновременно с Реном и лечу вперед. Расстояние совсем небольшое, и нам удастся его преодолеть. Приземляясь, без передышки продолжаем нестись вперед. Боясь поддаться панике, я не оглядываюсь.

Долго придерживаться одного темпа не получается. Дальше становится только сложнее. С трудом глотаю ледяной воздух пересохшими губами, постепенно отставая от Рена. В боку нестерпимо колет, легкие горят огнем. Борюсь с желанием сдаться, упасть на настил и не двигаться. Позволить снегу занести тело и надежно спрятать его под белым покровом подальше от чужих глаз. Движения Рена уже не такие быстрые, как в самом начале. Я слышу, как тяжело и шумно он дышит. По его лбу стекают капли пота. За нашими спинами уже два прыжка. Впереди третий. Чувствуя мою медлительность, Рен позволяет себе слегка сбавить темп и поравняться со мной. Не останавливаясь, он хватается за мои руки и едва не спотыкается, но в последний момент успевает удержать равновесие. До прыжка остается совсем немного. Я крепко сжимаю зубы. Предательская мысль – попросить Рена остановиться до того, как он нас прикончит, – теряется в горле при одном лишь взгляде на его глаза. Цвет радужки, еще недавно напоминавший мед и янтарь, меняется на алый. Аромат кислых зеленых яблок усиливается.

Отталкиваясь от края, Рен одновременно перекидывает меня на другую крышу и прыгает следом. Я первой оказываюсь на той стороне. Сугроб, принимая в холодные объятия, смягчает падение. Снег забивается под платье. Выныриваю и, резко оборачиваясь, взглядом нахожу Рена. Он держится руками за край, пытаясь забраться на крышу. Оказавшись рядом, слегка нависаю над ним, хватаю за предплечья и с усилием подтаскиваю наверх. Ноги Рена находят небольшую опору – углубление в стене, образовавшееся благодаря нескольким когда-то выпавшим кирпичам. Он цепляется за него носками ботинок и временно переводит дыхание. Продолжая удерживать Рена, невольно смотрю вниз. Территория, на которой мы находимся, со всех сторон окружена хвойными деревьями. Если нам удастся выбраться отсюда, мы сможем затеряться в лесу.

Рен немного подтягивается на руках и ставит локоть на край, давая себе возможность залезть. Белки его глаз темнеют, на шее пульсирует жила, лоб покрывает испарина. Я не знаю, с чем связаны такие изменения, но понимаю – Рену становится хуже. Сможет ли он двигаться дальше в таком состоянии? Нервно закусываю нижнюю губу, сердце учащенно бьется. Мокрое от снега платье облепило разгоряченное бегом тело.

Рен переводит взгляд со своих пальцев на меня, затем смотрит вперед и прекращает попытки взобраться на крышу. Ощущая неясную тревогу, медленно оборачиваюсь и встречаюсь глазами с незнакомым мужчиной. Он удивлен не меньше меня. В правой руке у него пистолет, пальцы левой сжимают сигарету. Все говорит о том, что мужчина просто вышел покурить на крышу и случайно наткнулся на нас. Нелепое стечение обстоятельств, которое может закончиться трагично для меня и Рена. В моем животе ворочается колючий клубок страха. Искривляю уголки губ в нервной улыбке. Неужели все закончится здесь, когда нам почти удалось бежать?

Дальнейшее происходит как в замедленной съемке – мужчина поднимает пистолет, взводит курок, рука Рена поперек обнимает меня за плечи, а потом кто-то резко перещелкивает на быструю перемотку вперед. В сознании с большой скоростью проносятся кадры. Тишину разрушает оглушительный выстрел, Рен отталкивается от края крыши и утягивает меня за собой. Стая птиц, испуганная резким звуком, взметнулась в небо. На какое-то мгновение мы встречаемся с ними в свете лучей восходящего солнца. Они уносятся вверх, мы же, созданные без крыльев, стремимся вниз. Сердце пропускает удар. Рен перехватывает меня и крепко обнимает. Моя спина вжимается в его грудь, перед глазами проносятся окна.

Я не успеваю как следует испугаться или хотя бы о чем-то подумать, как полет обрывается. Сначала спина Рена с грохотом проламывает деревянный настил и немного замедляет падение, а после мы приземляемся внутрь круглой деревянной беседки. Удар выбивает весь воздух из легких, и он вырывается из моего рта с громким выдохом. Большую часть удара взял на себя Рен. Скатываюсь с его тела на сломанные гнилые доски и пытаюсь прийти в себя. В голове звон, грудная клетка при каждом слабом вдохе отзывается болью, а перед глазами расплываются темные пятна. Кое-как приподнимаюсь на локтях и пробую сфокусироваться. Вместе с тем вожу рядом рукой, желая коснуться Рена. Пальцы опускаются на ткань, скользят выше по футболке и натываются на что-то влажное. Отдергиваю руку.

– Рен, – испуганно сиплю.

Снежинки падают на его лицо, ресницы вздрагивают. С трудом поднимая веки, Рен скашивает в мою сторону глаза.

– Я в порядке, – сдавленно сообщает он.

На его черной футболке чуть ниже правой ключицы появилась дырка, из которой толчками вытекает темная кровь.

– Ты ранен, – мне удастся сесть на колени.

Двигаться больно. Голова кружится, небо с землей постоянно норовят поменяться местами.

– Знаю, – пробует подняться с пола беседки Рен, стараясь не облачиваться на правую сторону. – Надо уходить, – добавляет голосом, лишенным каких-либо эмоций. – За нами скоро придут.

Чувствуя тошноту, я осторожно встаю на ноги и помогаю Рену. Его пошатывает. Прежде чем он теряет равновесие, успеваю подхватить его и пролезть под левым плечом так, чтобы при ходьбе он мог на меня опираться. Для меня все это не проходит бесследно – теперь горечь подбирается к горлу.

– Нужно зажать рану, – замечаю я, пока мы спускаемся с маленькой лестницы беседки.

– Нет времени, – скупое бросает Рен.

Замолкаю, не желая с ним спорить и понимая, что отчасти он прав. Нас в любой момент могут взять на прицел. Остается только добраться до леса и укрыться там. Надеюсь, до этого момента Рен протянет и не истечет кровью.

Проваливаясь в рыхлые сугробы, мы все дальше уходим от домов. В голове настойчиво бьется мысль: «Быстрее, быстрее, мы идем слишком медленно». Страх вгрызается в шею, крепко оплетает по рукам и ногам, мешает сосредоточиться. Все время кажется, будто за спиной раздаются крики погони или, что еще хуже, – палец преследователя дергает курок, и пуля со свистом вырывается из пистолета, мчится к нам, рассекая воздух. Ожидание страшнее пытки. Тяжело ступая, Рен опирается на меня. Кровь из его раны стекает вниз по руке и оставляет на снегу отметины, по которым нас легко найти. Снегопад усиливается, превращаясь в настоящую бурю. Надеюсь, непогода поможет нам скрыться. Расстояние от места заточения увеличивается. И все же по мере приближения к лесу я начинаю еще больше нервничать.

Впереди слышится рев. Я с Реном останавливаюсь, и он указывает на широкий ствол дерева, за которым мы успеваем спрятаться. Недалеко от нас тормозит мотоцикл. С него слезает высокий парень в черном пуховике. Принимается разминать затекшие конечности, потягивается. Рация на его поясе зашипела и выплюнула несколько слов. Недовольно поморщившись, парень отцепил ее от ремня и, нажав на кнопку, заговорил в динамик:

– Я почти на месте. Дальше ехать не могу. Из-за метели ничего не видно.

– У нас ЧП. Заложники сбежали. Мы идем по их следу. Будь осторожен, – донеслось из радиации.

– Понял, – лениво отозвался парень, почесывая шею.

Прицепив рацию обратно на пояс, он раздраженно вздохнул.

– Давай поиграем? – шепотом, морщась от боли, проговорил мне на ухо Рен.

Его вкрадчивое дыхание обжигает кожу не хуже ледяного ветра. Предложение поиграть не находит во мне отклика. Скорее я чувствую в нем подвох и поэтому тяну с ответом.

– Я буду приманкой, а ты подкрадись и ударь его.

Примерно что-то такое я и ожидала, но мой голос все же срывается на громкую интонацию:

– Хочешь, чтобы я его убила?

Рен моментально закрывает мне рот ладонью и выглядывает в сторону парня, проверяя, услышал ли он, затем скашивает на меня глаза.

– Именно, мелкая.

Видимо, в моих глазах отразился самый настоящий ужас, потому что лицо Рена перекошилось в раздражении, а затем исказилось гримасой боли. Он ненадолго зажмурился и тяжело сглотнул.

– Слушай, – цедит Рен сквозь зубы, – я не намерен повторять по два раза. Или он, или мы.

Я убрала его руку от своего рта и внимательно посмотрела на него.

– Почему мы не можем просто уйти?

– У него мотоцикл, – несмотря на боль, терпеливо объясняет Рен. – Если мы уйдем пешком, он или другие люди смогут нас догнать.

– Но сейчас буря. Слишком рискованно управлять транспортным средством, когда ничего не видно, – мой голос дрожит.

– Если мы скроемся и затаедемся, что маловероятно, то замерзнем насмерть. А на мотоцикле есть шанс. – Рен прижался к шершавому стволу дерева.

– Даже если разобьемся? Тут везде лес.

– Не везде. Надо просто выехать за его пределы.

– Рен, я не хочу лишать жизни человека.

– Тогда вместо одного убьешь двоих, – подвел он итог.

Рен говорил с трудом и часто дышал. Похоже, у меня не оставалось выбора. Какой бы поступок я ни совершила, все равно кого-то не станет. И именно это пытался донести до меня Рен. Раз он не бросил меня – я должна отплатить ему тем же. Цена за двоих – жизнь одного. У меня вспотели ладони, стало нестерпимо жарко.

– Не возись долго, – Рен передал мне нож.

Наши пальцы на секунду встретились, а затем я почувствовала тяжесть оружия в своей руке. Желудок болезненно сжался. У меня не было четкого плана действий. Рен махнул рукой, приказывая обойти парня. Коротко кивнув, ощущая в горле ком, я послушно скрылась за деревьями. Мне не верилось, что я способна на убийство. И все же, несмотря на это, пальцы крепко впились в рукоятку ножа.

Обходя по дуге, я старалась не потерять из виду парня. Кровь стыла в жилах при мысли о предстоящем ударе. Как застать врасплох? Куда целиться? Приближаясь и одновременно с этим заходя за спину будущей жертвы, ощущаю, как безысходность сковывает движения. Все чувства обострены до предела. В сторону Рена неторопливо идет парень. Кажется, что я слышу скрип его кожаной обуви. Подбираюсь ближе, не сводя глаз с широких плеч и спины. Что дальше?

Сердце заходится пойманной птицей, ускоряется и вдруг неожиданно пропускает удар. Секунда, и теперь оно бьется ровно, уверенно. И вместе с тем я понимаю – мое тело больше мне не подвластно. Его занял кто-то другой, готовый отнять чужую жизнь. Сознание становится вязким, туманным. Теперь я отрешенный наблюдатель. Каждая мышца напряжена. Тело словно пружина, готовая выстрелить в нужный момент.

Рывок вперед, занесенный нож для удара и резкий вдох аромата кислых зеленых яблок, что внезапно отрезвляет меня, заставляя сопротивляться. «Не надо!» – в самый последний момент немой крик, больше похожий на мольбу, вспышкой проносится в сознании и рассыпается хрипом, выталкивая незваного гостя. Вязкая слюна заполняет рот. Пальцы с побелевшими костяшками все еще отчаянно сжимают рукоятку. Ветер завывает раненым зверем, вихрем закручивает снег.

Парень, почувствовав меня за спиной, мгновенно поворачивается. Я вижу его расстегнутую куртку, низкий воротник футболки и впадину между ключицами. Она как отметина – «Целься сюда». Мне удалось застать парня врасплох, выиграв для нападения несколько коротких секунд. Но рука, дрогнувшая в последний момент, поменяла нас с ним местами, сделав меня жертвой.

Получив толчок в грудь, я падаю на спину. Нож выскальзывает из ладони, проваливается в сугроб. Готовясь к удару, заслоняю лицо руками и непроизвольно сжимаюсь в комок. Парень замахивается ногой в тот самый момент, когда за его спиной появляется Рен. Он резко хватается его за воротник куртки, подтягивает к себе. Перехватывая шею, со всего размаха бьет головой о ствол рядом стоящего дерева.

Один удар, второй, третий – без передышки и жалости. От дерева отлетают куски коры, падают на снег. Глаза парня закатываются, а Рен с непроницаемым видом все продолжает и продолжает наносить удары. Во мне что-то ломается с точно таким же звуком, с каким голова парня каждый раз встречается с деревом.

– Хватит, – прошу хрипло, убирая руки от лица.

Это уже давно не выглядит как самозащита. Рен не реагирует на мою просьбу и тогда я, подпрыгивая, вскакиваю с места. Прежде чем мне удастся осознать свой поступок, мои руки уже крепко обхватывают торс Рена, а лоб прижимается к его спине.

– Хватит, – прошу вновь.

На этот раз Рен вздрагивает и замедляется. Отступать некуда.

– Не мешай, – холодно произносит он, оборачиваясь на меня через плечо.

Его правый глаз полностью алый. Запах кислых зеленых яблок становится резче.

– Он без сознания, – я сильнее прижимаюсь к Рену, надеясь прекратить избиение.

Щелкая языком, он разжимает руки, позволяя обмякшему телу рухнуть, затем вырывается из моих объятий.

– Забери его куртку, – мрачно говорит Рен, указывая на парня.

Пока я заледеневшими пальцами кое-как справляюсь с молнией, он, пошатываясь, подходит к мотоциклу. Усаживается на него, подкручивает руль. Выжимая сцепление, принимается толкать мотоцикл до тех пор, пока не начинает реветь мотор. Развернувшись, Рен подъезжает ко мне и указывает пальцем на место впереди себя.

– Я не умею водить, – произношу испуганно, застегивая на себе чужую куртку.

– У нас мало времени, – замечает Рен, злясь на меня.

– Я не умею... – я вновь начала спорить, но сразу умолкла, стоило только увидеть, как глаза Рена расширились от боли.

Он согнулся и крепко закусил губу. По его телу прошла дрожь. Среди завываний выюги отчетливо слышались крики. Скоро на нас должны были выйти.

– Сядь, – через силу рявкнул Рен и тут же заскрипел зубами.

На его челюсти заходили желваки. Испуганно бросив короткий взгляд в ту сторону, откуда доносились голоса, и увидев силуэты людей, я вскарабкалась на свободное место впереди Рена и вцепилась в руль. Раздался выстрел. Первая пуля просвистела над нашими головами.

Рен добавил обороты и мотоцикл понесся вперед. Вторым выстрелом снесло зеркало заднего вида, заставив меня на секунду ослабить хватку руля и тем самым накрентить мотоцикл влево. К счастью, Рен смог его удержать.

– Держи крепче, – процедил он сквозь зубы.

Мы понеслись вперед, в последние моменты уворачиваясь от столкновения с деревьями и на скорости объезжая овраги. Спустя какое-то время показались руины старого дома. Рядом с ними Рен повернул руль влево, в сторону холма. Вылетев с него, мотоцикл выпрыгнул на дорогу и при приземлении опасно вильнул в сторону, но Рену удалось в очередной раз его выровнять, быстро исправив ситуацию.

Глава 2

Знакомство с Псами

Вскоре из-за полученной раны и большой потери крови Рен начал бредить. Пока он оставался в сознании – помогал придерживать руль, но сейчас, когда его состояние ухудшилось, управление мотоциклом перешло ко мне. Мы неслись вперед, прорезая потоки ледяного ветра. Буря постепенно утихала, переходя в обычный снегопад. Все это время я старалась взглядом найти укрытие, где можно было бы переждать непогоду и развести костер, но с двух сторон от неровной дороги, покрытой трещинами и ямами, тянулся лес. Рисковать, петляя между деревьями, – особенно с учетом моих способностей вождения, приобретенных всего пару часов назад, – не лучший вариант. Да и страх, что нас могут найти, продолжал гнать вперед.

– Ворон, – с жаром зашептал Рен.

Его вес давил на меня, заставляя сильнее прижиматься к рулю.

– Белый ворон, – он шептал в бреду, повторяя одно и то же.

– Это ориентир? – не особо надеясь на ответ, спросила я, старательно перекрикивая рев мотора.

Напрягая зрение, я стала всматриваться в любой знак, похожий на птицу. Вдалеке показался бетонный мост.

– Мир кричит, – левая рука Рена, сжимавшая руль мотоцикла, ослабила хватку.

Проезжая мимо разломанного билборда, я мельком взглянула на него, но не увидела ничего, что могло бы хоть как-то отдаленно напоминать ворона.

– Больно, – пауза, тяжелый выдох и хриплый вдох, – ему больно.

Я слегка повернула голову и покосилась на Рена. Его лихорадило. За опущенными веками беспокойно двигались зрачки. Отвлекаясь на Рена, я пропустила момент, когда мы въехали на мост. Колеса заскользили на льду и мотоцикл неожиданно вильнул в сторону. Мое сердце подскочило к горлу и рухнуло куда-то вниз. Рен начал заваливаться влево, рука соскользнула с руля. Я успела развернуться в последний момент и ухватить его за футболку, но пришлось отпустить руль и байк принялся выписывать зигзаги на обледеневшем мосту. Рен продолжал заваливаться на бок, а мне никак не удавалось удержать его и одновременно с этим выровнять мотоцикл. Вскоре меня потянуло вниз следом за Реном.

Сила удара подбросила нас вверх, разбросав друг от друга. Меня отшвырнуло к проломанному ограждению, рука зависла над краем пропасти. Еще немного – и я бы сорвалась. Взгляд остановился на искореженных прутьях. Запоздалая паника прошибла ледяным потом.

Мотоцикл, высекая искры, проскрежетал железным боком по мосту, замерев только у колес резко затормозившего военного пикапа с открытым верхом.

Кое-как перевернувшись набок и чувствуя, как каждое движение сопровождается болью, я принялась глазами искать Рена. Он лежал на спине чуть дальше, от его губ едва заметно тянулись вверх белые облачка пара. Послышался звук хлопнувшей двери. Все кончено – нас нашли. Я сглотнула и медленно приподнялась. От новой волны страха защипало глаза.

Минуя меня, по льду заскользил незнакомец с серебряным цветом волос. Он остановился возле Рена и, присев, приложил палец к его бледной шее. Я дернулась в их сторону, намереваясь оттолкнуть незнакомца, но не рассчитала свои силы и упала. Колени скользнули по холодной поверхности, мир опасно накренился вправо. Порыв ветра взметнул в лицо снег. Пробуя удержаться, я опустила ладони на мост и оперлась на руки, пережидая пока в глазах пройдет чернота.

Внезапно на мои плечи опустились чьи-то теплые ладони и крепко сжали.

– Я – Крис, мы свои, – торопливо и как бы успокаивая, заговорил человек позади меня. – Нас Чайка прислала на подмогу.

Поток вопросов: «Кто такая Чайка и что значит “свой”»?» оборвал голос незнакомца с серебряными волосами.

– Жив! – крикнул он в сторону пикапа. – Но в плохом состоянии, слишком много потерял крови. Помоги затащить в кузов, – обратился к стоящему за моей спиной.

Меня отпустили. Незнакомец аккуратно поднял Рена и устроил на своей спине. Коротко стриженный парень, представившийся Крисом, подбежал к пикапу. Взлетев в кузов, он бережно перетащил Рена со спины своего приятеля. Уложив его, Крис снял со своей шеи объемный вязаный шарф и, сложив несколько раз пополам, подложил Рену под голову. Крис и парень с серебряными волосами действовали слаженно и быстро. Создавалось впечатление, будто они давно работают в одной команде. Последний стащил с себя черную куртку и накрыл ею Рена. Оставшись в толстовке, вернулся ко мне. Подхватил под руки, помог встать и практически на себе дотащил к кабине пикапа. Усадив на переднее сиденье, зафиксировал ремнем безопасности. Для надежности дернул, проверяя крепление. Ремень впился мне в живот.

– Мак, – обратился к синеглазой девушке-водителю, – трогай.

– А ты? – взволнованно спросила она, настраивая режим обогревателя.

Волна теплого воздуха с новой силой принялась заполнять пространство. Мак направила на меня поток, позволяя согреться. Кожу начало покалывать сотнями маленьких иголок.

– Я поеду следом на байке, – произнес парень. – Думаю, он еще на ходу.

– А если нет? – Мак закусила губу и обеспокоенно покосилась на парня.

Обрывки разговора долетали до меня как сквозь толщу воды. Последствия пережитых эмоций душили сильной слабостью. Я все еще пыталась бороться со сном, прислушиваясь к сказанному и стараясь понять, чего ожидать дальше, но усталость брала свое, и вот я уже с трудом понимала, о чем они говорят.

– Свяжусь с Удавом и попрошу забрать, – напоследок торопливо сообщил парень и хлопнул дверью.

Мак кивнула, включила передачу и нажала на педаль газа. Резко крутанув пикап, она развернула его в обратную сторону. При маневре мое плечо встретилось с обивкой дверцы.

– Держись, – буркнула Мак. – Уже скоро приедем, продержись еще немного.

Я ненадолго закрыла глаза, обещая себе короткую передышку.

* * *

Кромешная темнота постепенно рассеивается, превращаясь в сплошную стену летящего снега. Я стою в центре бури, крепко стискивая в своих пальцах рукоять ножа и ощущая чье-то присутствие за спиной. Тревога сковывает тело, скатывается каплями пота по спине. Облизываю нижнюю губу и напряженно прислушиваюсь, улавливая скрип деревьев в завываниях ветра. Незнакомец дает о себе знать коротким выдохом в шею, затем мягко скользит руками по моим предплечьям до самых запястий, стискивает кисти, направляет вперед нож. Кончик скрывается за другой стороной снежной стены. Острие встречает небольшое сопротивление, а потом с неприятным звуком преодолевает препятствие и уходит глубже. Внезапно снегопад замирает и передо мной появляются очертания человека. Расстегнутая куртка, низкий вырез футболки, между ключицами воткнуто лезвие. Первая красная капля срывается вниз. В месте ее падения лед расходится трещинами.

– Миру больно, – раздается возле моего уха.

Мелкие осколки поднимаются до тех пор, пока не оказываются на уровне моего лица. Их острые края царапают щеку.

– Он кричит.

Застывают в воздухе.

С усилием поворачиваю голову и встречаюсь с глубокими, как море, синими глазами. Выюга обрушивается с новой силой, земля стремительно уходит из-под ног, и сон прерывается резким падением.

Сердце, понемногу входя в привычный ритм, все еще оглушительно колотится о ребра. Подо мной продавленный матрас скрипучей кушетки, рядом стул с одеждой. Солнечный свет, преломляясь сквозь оконное стекло, скользит по подоконнику и диагональными полосками опускается на старый пожелтевший линолеум. Потираю лицо, стараясь прогнать мерзкий осадок после слишком реалистичного сна и избавиться от яркого видения синих глаз. Сквозь пальцы рассматриваю трещины на потолке, после чего делаю глубокий вдох и ненадолго задерживаю дыхание. Считаю до пяти, шумно выдыхаю и осторожно усаживаюсь на кровати, принимаясь осматриваться по сторонам.

В дальнем углу раковина. Из крана с небольшой периодичностью капает вода. Чуть дальше стоит пластиковая мусорная корзина, а у стены напротив еще одна железная кушетка. Помещение напоминает больничную палату. Задумчиво опускаю ноги на пол, касаясь босыми ступнями рыжих ботинок с высокой шнуровкой. Похоже, те, кто забрал нас с Реном, приходятся ему друзьями. Ну или, во всяком случае, хорошими знакомыми. Иначе зачем бы им заботиться так о нем и проявлять доброту по отношению ко мне. Тянусь к одежде и неожиданно замираю, припоминая последние события. В груди скручивается пульсирующий комок ужаса. Отдергиваю руку и зажимаю ладонью рот, пережидая приступ дурноты. Перед глазами прокручивается картинка, где Рен всаживает нож в грудь незнакомца. Во рту появляется вязкий привкус горечи. У меня стынет кровь при воспоминании о том, с какой холодностью он отнял чужую жизнь. Точно сломал ненужную игрушку.

С улицы доносится смех, затем какой-то громкий выкрик, и все стихает. В беспокойстве прикусываю большой палец и хмурюсь. Мне ничего не известно ни об этом мире, ни о его жителях, кроме того, что рассказал о нем Рен. И если верить услышанному, есть ли у меня право осуждать его поступок? Он вполне мог сбежать один, но решил спастись вместе со мной, хотя я и представляла для него обузу. Более того, именно он нашел меня и забрал, пусть даже ради выполнения задания. Нес на руках все время, закутал в свой плащ. И исходящий от Рена аромат – кислого зеленого яблока – кажется слишком знакомым. Все же, думаю, мы как-то связаны друг с другом. Ведь не просто так в моей голове появилось воспоминание о холме и предстоящей грозе. В любом случае мне стоит найти Рена, чтобы понять, как быть дальше.

Оборвав поток мыслей, хватаю со стула одежду. Поспешно натягиваю на себя серую футболку, синие потертые джинсы, шерстяные носки и теплую толстовку черного цвета. Следом ботинки. Ловко управляюсь со шнуровкой. Под скрип пружин койки встаю на ноги и направляюсь к двери. Открываю и выхожу в просторный светлый коридор. Его тишину нарушает размеренное тиканье настенных часов.

Немного постояв и проверив собственную координацию, иду вперед. Замечаю еще несколько дверей. Рядом с одной из них висит табличка «Операционная». Значит, я действительно в больнице. Чуть дальше виднеется указатель «Выход». Стрелка ведет в сторону лестницы. Через окно смотрю на улицу и разглядываю очищенный от снега асфальт, по которому неспешно прогуливаются люди в одинаковой черной форме. Несколько домов, фонарные столбы, деревья, арка. Территория похожа на небольшую военную базу. Отходя от окна, спускаюсь по лестнице. Ее ступеньки местами сколоты и где-то неаккуратно восстановлены. Скольжу ладонью по деревянным исцарапанным перилам. На одном из лестничных пролетов выглядываю в коридор и неожиданно встречаюсь взглядом с серьезными серыми глазами. Их обладатель, привалившись плечом к стене, стоит рядом с белой обшарпанной дверью. У него серебряные волосы и на нем точно такая же толстовка, как и на мне. Руки скрещены на груди. Слегка

приподняв подбородок, он равнодушно принялся разглядывать меня. Постепенно я вспоминаю его и даже решаюсь подойти ближе.

– Привет, – здороваюсь с ним. – Ты был среди тех, кто помог мне и Рену? – спрашиваю осторожно, следя за его реакцией.

Он не ответил, но этого и не требовалось. Несмотря на тяжелое состояние в тот день, мне все же удалось запомнить его лицо. Конечно, не так хорошо, как хотелось бы, но в этом мире мне пока еще не встречалось много людей, чтобы можно было запутаться в их лицах.

– Я ищу Рена.

Парень вновь заглянул мне в глаза и нехотя кивнул в сторону двери рядом с собой. Не слишком-то он вежлив. Хотя никто и не обещал мне радушный прием. По крайней мере я нашла Рена и теперь одной проблемой меньше.

– Спасибо, – поблагодарила я и уже собиралась дотронуться до ручки, как мое запястье перехватили и крепко стиснули.

– К нему нельзя, – пренебрежительно произнес парень, усиливая захват.

– Он в плохом состоянии?

– Просто нельзя, – щелкнув языком, недовольно проговорил он.

Я постаралась отдернуть руку, но парень продолжал крепко держать, не позволяя высвободиться. В его серых глазах открыто читалось презрение. Мое раздражение вот-вот готово было вылиться в несколько едких слов, что крутились на языке. Оглушительно распахнутая с ноги дверь прервала возможную ссору. Отскочив в сторону, я случайно врезалась в парня. Он шумно выдохнул, сдерживая свое недовольство, и наконец-то отпустил меня.

– Что тут происходит? – Нога, обутая в тяжелый военный ботинок, скрылась и вместо нее выглянула светловолосая голова. – Больному нужен отдых.

– Тогда сама не шуми, – безразлично отозвался парень, скосив глаза на девушку. – И не смотри на меня так, – добавил в конце несколько отчужденно.

Та в ответ досадно вздохнула и скрылась за дверью, но вскоре вновь обеспокоенно выглянула и двумя руками резко схватила меня за предплечья, подтаскивая поближе к себе.

– Ты очнулась, – на губах девушки появилась широкая искренняя улыбка. – Я Мак, водитель. Помнишь меня? – радостно поинтересовалась она.

Как и в прошлый раз, волосы Мак были заплетены в аккуратную косу. Широко распахнутые синие глаза с любопытством смотрели на меня.

– Нам повезло, что вы с Реном двигались в нужном направлении к городу, иначе мы не смогли бы найти вас, – Мак выдохнула с облегчением.

Я с интересом разглядывала ее, вновь отмечая про себя одинаковую одежду, которая подчеркивала хорошо натренированное тело. Из-за разницы в росте Мак пришлось слегка наклониться ко мне.

– Ты попала в плохую компанию? – с сочувствием поинтересовалась она.

Прислушиваясь к разговору, парень с серыми глазами повернул голову в нашу сторону. По моей коже пробежался холодок, а на лице отразилось непонимание. Видя мое напряжение, Мак дружелюбно погладила меня по плечу.

– Как можно девушку заставлять ходить зимой в одном только платье. Тебя, наверное, не хотели отпускать?

– Что? – спросила я, все еще не улавливая сути диалога.

– Ты с самого прихода в этот мир попала к тем жутким людям? Как долго тебе пришлось пробыть с ними?

Теперь многое встало на свои места. Я хотела объяснить Мак, что она неправильно все поняла, но прежде чем мне удалось произнести хоть слово, она продолжила:

– Как хорошо, что Рен забрал тебя от них, – она притянула меня ближе к своей груди и крепко обняла.

Неожиданно теплый прием привел меня в замешательство. В ее фразах, поступках и голосе не было ни капли фальши. Мак принялась рукой поглаживать меня по волосам так, словно я приходилась ей младшей сестрой и пришла к ней за советом. Возможно, она была из тех людей, кто всегда ведет себя открыто по отношению к другим. И это располагало. Захотелось довериться и все рассказать.

– Я совсем недавно... – моя очередная попытка признаться потонула в чужих рассуждениях.

– Если не хочешь вспоминать или говорить об этом – не надо. Теперь ты в безопасности и тебя больше никто не обидит, – Мак вздохнула и ненадолго замолчала. – Платье мы выкинули, – продолжила она после короткой паузы. – Оно больше тебе не понадобится. А форму отряда Псов можешь оставить у себя.

– Да нет же, все иначе, – заново попробовала я рассказать, но быстро смолкла, ощутив на себе цепкий взгляд серых глаз.

– Там мелкая? – раздался знакомый голос из палаты. – Пусть войдет.

Мак разжала объятия и посторонилась. Я неуверенно перешагнула порог, проходя в небольшое светлое помещение. Какое-то движение сбоку привлекло мое внимание, и я сначала мельком взглянула в ту сторону, а затем остановилась, разглядывая стоявшую напротив невысокую бледную девушку с веснушками, разбросанными у носа. Спутанные волосы цвета меди едва доходили до плеч, худощавая мальчишеская фигура выглядела болезненной, а под крупными зелеными глазами залегли синяки.

– Мелкая, я тут, – позвал меня Рен.

Я обернулась на голос, украдкой замечая, что незнакомка в точности повторила мое движение. Тогда я протянула к ней руку и прикоснулась пальцами к прохладной поверхности. Несколько раз провела вверх и вниз, удостовераясь, что передо мной зеркало. Рен лежал на кушетке и усмехался, наблюдая за моей игрой с собственным отражением. Его черные волосы разметались по подушке и простыне.

– Давно очнулась? – поинтересовался он с самодовольной улыбкой.

– Не очень, – я пожалала плечами.

Отвернувшись от зеркала, принялась разглядывать палату. Рядом с окном стояли небольшой стол и стул без спинки. Чуть дальше шкаф с покосившейся дверцей. Я еще немного осмотрелась, а потом мой блуждающий взгляд замер на левой руке Рена, из которой торчала игла, соединенная с капельницей через трубку. По ней медленно спускалась прозрачная жидкость, текла к катетеру и скрывалась под кожей.

– Как себя чувствуешь? – спросил Рен, приподнимаясь на локте.

– Отлично, – ответила я, не делая попытки приблизиться к нему.

Мак зашла в палату и села на стул, закинув ногу на ногу. Улыбаясь, она переводила взгляд с Рена на меня и обратно.

– В таком случае нам пора, – произнес Рен, усаживаясь на кушетке и спуская ноги, обутые в высокие военные ботинки, на пол.

Стоило ему выдернуть иглу из руки, как прозрачная жидкость быстро закапала на линолеум, образуя некоторое подобие лужицы. Мак бросилась закручивать стеклянную бутылку, в которой плескалась еще треть физраствора.

– Эй, аккуратней, – проговорила она с напускной злостью в голосе. – У нас осталось не так много лекарств, а зима еще не закончилась.

В палату неслышно вошла женщина в длинном белом халате. Смерив Рена строгим взглядом, она одним взмахом руки перекинула свои черные волосы с правого плеча за спину.

– Опять не закончил процедуру? – бросила она вскользь. – Я Зела, – представилась мне. – Раз ты уже встала, то за тебя можно не опасаться. А вот тебе, – она повернулась к Рену и сердито сверкнула глазами из-под очков, – не стоит так небрежно относиться к своему здоровью.

Сидя на краю кушетки, Рен стащил со своего запястья резинку для волос и принялся равнодушно собирать пряди в высокий хвост. Покончив с этим, он поднялся на ноги.

– Я проторчал здесь два дня в роли твоего подопытного кролика, – сказал Зеле, направляясь в мою сторону. – Думаю, пора заканчивать с этим.

– Твое самочувствие ухудшается, Рен, – уже мягче произнесла Зела. – Если бы Чайка не выслала подмогу, то, возможно, тебя бы уже не было в живых. Мы не можем найти лекарство от твоей болезни, так как не знаем, что именно с тобой происходит, – она подошла к столу и, поправив очки, заглянула в синюю толстую папку. – Но мы хотя бы можем попробовать замедлить приступы.

– Надолго ли? – с иронией проговорил Рен. – Ты просто тратишь на меня лекарства, которые могут пригодиться другим, – останавливаясь около выхода в коридор, прижимает ладонь к дверному косяку. – К тому же какая разница? Сейчас, потом. Если это неизбежно, то я не собираюсь все время торчать тут в надежде отсрочить момент.

Переступая порог, он через плечо оглядывается на меня.

– Мелкая, пойдем. У нас еще много дел.

* * *

Морозный воздух звенел от своей безупречной чистоты. Вдохнув полной грудью и сразу же выдохнув, я посмотрела на облачко пара, которое вырвалось изо рта и устремилось к безоблачному небу. Рен, спрятав руки в карманы куртки, вместе со мной неторопливо вышагивал по плацу. Мимо нас проходили люди, одетые в одинаковую форму. Спеша по своим делам, они о чем-то весело переговаривались. Некоторые из них обращали на нас внимание и останавливались, провожая взглядами прямую спину Рена.

– Ты находишься в Вавилоне, – произнес Рен, сворачивая в арку. – Этот город называют последней надеждой.

– Надеждой? – переспросила я, следуя за ним и кутаясь в выданную мне ранее куртку.

– На новую жизнь, – усмехнулся Рен. – Неоправданной, – добавил чуть тише, скользя глазами по граффити оскаленной морды питбуля. – Люди не способны жить друг с другом в мире. Всегда найдется тот, кто разрушит идиллию, внеся в нее мрак, – продолжил он на ходу.

Арка закончилась, и мы вышли к трехэтажному зданию из красного кирпича. Рядом с домом, отбрасывая на неровный асфальт причудливую тень, рос высокий старый дуб. Солнечные лучи освещали покрытые инеем ветви. Недалеко в стороне высился большой сугроб снега.

– А чтобы противостоять мраку, надо к нему приблизиться, и тогда сможешь выжить, – с кривой улыбкой сказал Рен. – Видя свет, узри и тьму.

– Живя во тьме, не прекращай стремиться к свету, – на автомате произнесла я, не задумываясь над своими словами и продолжая рассматривать территорию.

Рен резко остановился и стремительно развернулся ко мне. В его взгляде на короткую секунду промелькнула глубокая боль, но она тут же растворилась за стеной отчужденности. Сжав пальцами мой подбородок и приподняв его, Рен принялся изучать мое лицо, словно пытаясь отыскать ответ на какой-то вопрос. Затем, также неожиданно, он отпустил меня и отвел глаза.

– Рен, – я позвала его.

Он раздраженно потер ладонью шею, бросив короткий взгляд в сторону третьего этажа.

– Я сказала что-то не то?

– Заткнись, – довольно грубо произнес он, продолжая всматриваться в окно.

– Прости, если я...

Он не дал мне договорить. Рывком схватив за воротник куртки, подтянул к себе и вверх. Мне пришлось встать на носочки. Склоняясь надо мной и сдерживая гнев, Рен произнес так, чтобы никто не услышал:

– Думаешь, я ужасен?

Тяжело сглотнув, я встретила с ним глазами. Он смотрел холодно и зло. Собачка молнии врезалась мне в кожу под подбородком.

– Или, может, ты пытаешься меня оправдать? – на губах Рена появилась едкая усмешка. – Я помню страх, застывший в твоих глазах, когда убил перед тобой человека, – его пальцы сильнее впились в ткань куртки. – Запомни раз и навсегда: в этом мире жизнь ничего не стоит. Ни моя, ни твоя, ничья. Мы отбросы. Все до одного. И этот мир – наш ад, – глаза Рена опасно сузились, а белки вновь окрасились в слабый оттенок серого. – Не обманывайся тем, что видишь. Каждый, кто оказался здесь, носит на себе печать убийцы. Разница лишь в методах и жертвах, – усмешка сменилась холодным раздражением. – Да, я ужасен. Хотя бы потому, что не скрываю свою сущность. И ты, если хочешь выжить, должна стать такой же. Тебе придется перешагнуть порог своей слабости и отнять чужую жизнь, – говоря все это, Рен приблизился к моему лицу. – Твоя рука не имеет права дрогнуть, как в прошлый раз, ведь меня потом рядом с тобой не будет.

Аромат кислых зеленых яблок на короткое мгновение усилился. Резкий порыв ветра взъерошил мои волосы, отбросив в сторону челку.

– И никогда – ты слышишь? – никогда не мешай мне, – добавил Рен.

В моей памяти всплыл недавний сон. Только сейчас роль жертвы принадлежала мне, а Рен занял место палача. И если бы он решил отнять мою жизнь – я не стала бы ему мешать. Он прав. У меня нет права осуждать его или искать ему оправдания. Он не нуждается ни в том ни в другом. Прерывать чужую жизнь, пусть даже и защищая другого, – ужасный поступок. Но ведь и я не просто так оказалась в этом мире и теперь должна понести свое наказание, существуя бок о бок с другими грешниками.

– Не сопротивляешься? – надменно спросил Рен, разжимая пальцы и отпуская воротник моей куртки. – А должна. Раз тебе дали еще один шанс, не нужно упускать его. Всегда бейся до последнего.

Теперь его взгляд не выражал ничего. Безразлично отвернувшись, он продолжил путь к трехэтажному зданию.

Глава 3

Незрячая

– А сейчас я познакомлю тебя с Чайкой, – ехидно улыбаясь, произнес Рен, перед тем как пнуть ногой дверь.

Она с грохотом влетела в стену и тут же отскочила. Поймав ее кулаком, Рен пропустил меня вперед, после чего зашел следом. В кабинете, спиной к нам, стояла девушка среднего роста. Одета в черные зауженные штаны и легкую белоснежную футболку, она не обратила внимания на резкий звук, продолжая дальше изучать приклеенный на стену с помощью скотча план города, поделенный на два сектора. Потертый лист, весь исчерканный ручкой, закрывал собой две трети ровной поверхности. Кое-где территории были обведены в круг.

– Привет, Чайка, – весело сказал Рен и, несколько не смущаясь, прошагал в центр кабинета.

Заняв красный замшевый диван, с наслаждением вытянул ноги на рядом стоящий поцарапанный низкий столик. Я тоже решила присесть, выбрав для себя подлокотник как можно ближе к Рену. Ожидая дальнейшего развития сюжета, принялась рассматривать кабинет, который из-за малого количества мебели казался довольно просторным.

– Убери ноги с моего стола, – не оборачиваясь, попросила Чайка.

Проигнорировав ее просьбу, Рен самодовольно улыбнулся и закинул руки за голову. Чайка развернулась. Смерив его суровым взглядом, подошла к столу и передвинула тяжелую стеклянную вазу подальше от грязной обуви.

– Что там с заданием? – она уселась напротив нас в кресло из искусственной кожи и скрестила руки на груди.

– Я узнал то, что ты хотела, – усмехнулся Рен.

Прикрыв глаза, он ненадолго задумался. Точнее, сделал вид, что задумался. Складывалось впечатление, будто Рену доставляет некоторое удовольствие тянуть время и тем самым выводить из себя Чайку. Каждая секунда, проведенная в тишине, нервировала ее. Это было видно по тому, как ее правая бровь начала нервно дергаться. В нетерпении Чайка постучала пальцами по своему предплечью.

– Те, кто разбил лагерь недалеко от города, в принципе не опасны, – наконец, не открывая глаз, произнес Рен. – Они не занимаются отловом людей. Но если тебя напрягает их присутствие около Вавилона, можешь отправить отряд на зачистку.

– И все? – удивилась Чайка, слегка наклоняясь вперед.

Прядь каштановых волос упала ей на лицо, и она сразу же убрала ее обратно за ухо.

– Ну, тебя же именно это волновало.

– Не совсем, – голос Чайки стал раздраженным.

– Ладно, – великодушно отозвался Рен, – вот еще немного информации. Тех людей, которые проникают на их территорию, они сплавляют какому-то Гаю взамен на экипировку и еду.

– И ты, конечно, не узнал, кто такой Гай? – вкрадчиво поинтересовалась Чайка.

– А зачем? – он открыл глаза. – У нас был уговор только разузнать насчет них. Не больше. Глядя на стену поверх головы Рена, Чайка сделала глубокий вдох и долгий выдох.

– Конечно, лишнюю работу ты на себя не взвалишь, – произнесла она с кривой усмешкой.

Ее лицо превратилось в мрамор, под которым кипел властный характер, не способный прорваться сквозь сдерживающую его маску. Я занервничала, ерзая на подлокотнике дивана. Разговор перестал напоминать спокойную беседу. До бури оставались считанные минуты, а ее эпицентр приходился на Рена.

– Я был не один, – лениво кивнул он в мою сторону.

Если раньше по причине незаинтересованности во мне Чайки я могла удачно сливаться с обстановкой в кабинете, то теперь благодаря словам Рена – стала частью беседы. Внимание Чайки полностью переключилось на меня. Рен закинул ногу на ногу и, приподняв в улыбке левый уголок рта, следил за неподдельным интересом Чайки. От ее оценивающего взгляда стало не по себе.

– Что, решил заняться альтруизмом? – насмешливо поинтересовалась она.

– И не мечтай, – Рен запрокинул голову на спинку дивана и принялся изучать потолок.

– Тогда, может, хочешь оставить ее у меня в команде?

– Чтобы на одного верного песика стало больше? – рассмеялся он.

Лицо Чайки перекошилось. Несмотря на едкий комментарий, она попыталась сохранить на своих губах улыбку.

– Мелкая, – Рен повернул ко мне голову, снова делая меня частью беседы. – Если хочешь в команду, твякни два раза.

Его слова задели. Он продолжал веселиться, не замечая настроения остальных. Хотя, если по правде, ему просто было наплевать на то, что могло произойти дальше. В отличие от Рена, мне его поведение казалось не таким забавным. В кабинете воцарилась тяжелая атмосфера.

– Эй, – начала я, но Рен меня сразу же перебил.

– Видишь? – высокомерно обратился он к Чайке, встречаясь с ней глазами. – Девчонка не хочет в отряд.

– Рен, – вновь произнесла я, желая хоть как-то его успокоить или хотя бы попросить перестать в открытую издеваться над Чайкой.

Мне не было ее жаль. Просто, если Чайка могла простить Рену такое поведение, то мне как свидетелю она явно не радовалась. Не слишком приятно, когда кто-то подрывает твой авторитет в глазах других.

– Сиди тихо, – ровным голосом приказал Рен, даже не поворачиваясь в мою сторону.

– Предпочитаешь таскать девчонку за собой? – Чайка откинулась на спинку кресла.

Ее расслабленная поза сильно контрастировала с тяжелым цепким взглядом.

– Зела предсказала мне долгую и счастливую жизнь, перетекающую в не менее замечательную старость, – разводя руками, саркастично улыбнулся Рен. – Я в предвкушении от ее дальнейших прогнозов.

– Прекрасно, – не разделяя его радости, холодно произнесла Чайка. – Если у тебя ко мне больше ничего нет, можешь быть свободен.

Рен вопросительно поднял одну бровь.

– Ничего не забыла? – холодно поинтересовался он.

Моя мечта – убраться отсюда как можно быстрее – растворилась за горизонтом. Чайка притворилась, будто серьезно обдумывает вопрос Рена. Она даже поставила подбородок на сцепленные в замок руки и задумчиво отвела взгляд в сторону.

– Нет, – наконец проговорила, поднимаясь на ноги.

– Мне нужен рюкзак, – сказал Рен, не сводя с нее глаз.

– Что? – пораженно застыла Чайка.

Ее лицо скривилось в презрении.

– А лучше два. Мои вещи забрали, – равнодушно продолжил Рен.

– Обнаглел? – спросила Чайка. – Мне пришлось посылать отряд за тобой, тратя ценный бензин, – ее нога с шумом толкнула край стола, придвинув его ближе к Рену.

Откуда-то с улицы раздался тоскливый вой.

– Зато мотоцикл, доставленный твоим Псам, уже разобрали на детали, – не меняя расслабленной позы, спокойно возразил Рен и отпихнул стол обратно к Чайке.

Чаша терпения Чайки лопнула. Глаза враждебно вспыхнули и сузились.

– Я не из твоего лагеря, так что плати, – добавил Рен.

Чайка в одно мгновение схватила тяжелую вазу и замахнулась ею на Рена. Я дернулась в сторону, не желая принимать на себя часть удара, но Рен успел поймать мое предплечье и, крепко сжав его, заставил сидеть на месте. Дверь в кабинет открылась. Сначала в проеме появилась коротко стриженная голова Криса, затем возник и он сам, держа под мышками несколько длинных рулонов бумаги. За секунду оценив обстановку, Крис с непроницаемым видом ретировался обратно в коридор. Ваза с грохотом ударилась о закрытую дверь и разлетелась осколками. Грудная клетка Чайки быстро вздымалась и опускалась.

– Мне хватит и тридцати золотых, – с надменной улыбкой произнес Рен, продолжая удерживать мое предплечье.

Я перестала дышать. На целую минуту в кабинете стало очень тихо. Чайка переводила дух и собиралась с мыслями.

– Хорошо, – неожиданно кивнула она.

Меня удивила ее резкая перемена настроения. Совсем недавно Чайка хотела прикончить Рена, а теперь играет по навязанным им правилам. Отойдя к окну, рядом с которым стоял еще один стол, Чайка покопалась в ящике, извлекла на свет черный небольшой мешочек и раздраженно швырнула им в Рена. Он поймал его левой рукой. Не утруждаясь пересчетом золотых, убрал в карман серых потертых джинсов.

– А где же спасибо за проделанную работу? – безразлично поинтересовался Рен, поднимаясь на ноги.

Я встала следом за ним и направилась к двери, понимая, что разговор закончен и сейчас самое лучшее просто уйти. И желательно как можно быстрее.

– Думаю, ты знаешь, какое задание будет следующим? – Чайка хмуро посмотрела на Рена.

– Само собой, – слегка улыбнулся он.

– В таком случае Удав доведет тебя до Беты. Проваливай, – устало опускаясь в кресло, Чайка сделала знак рукой выметаться из кабинета.

Солнечный день за то время, что мы провели в кабинете Чайки, перешел в промозглый вечер. Я зябко поежилась и, спасаясь от пронизывающего ветра, застегнула куртку. Мимо пробежали несколько человек в черной спортивной форме и скрылись за углом. Мы с Реном двинулись следом за ними, ступая по очищенному от снега асфальту.

– Что это за место? – поинтересовалась я у Рена.

Мне хотелось вывести у него как можно больше информации.

– Лагерь Псов, – он равнодушно пожал плечами. – Чайка их главарь, – продолжил Рен, предвидя следующий вопрос. – Их территория – сектор Альфа, в котором Псы занимаются решением проблем вроде поставки продуктов, вещей и обеспечения защиты проживающих здесь людей. Они все держат под контролем и являются кем-то вроде власти. Вступить в отряд – большая честь и большой риск. Немногие, кто выходят на серьезные задания, возвращаются обратно живыми. Зато, если ты будешь в составе команды и тебе удастся выживать на всех поручениях, – скажем, до поры до времени, – будешь в безопасности. Хотя безопасность в этом мире – вещь относительная.

– А какие задания считаются серьезными?

– Для человека, не способного себя защитить, ты задаешь слишком много вопросов, – заметил Рен, скосив на меня глаза.

Его замечание показалось смешным.

– Неудивительно, – отозвалась я. – Я ведь недавно пришла...

Отработанным движением Рен схватил меня за воротник куртки и рывком дернул к себе. Наши лица оказались слишком близко друг к другу, а моя незаконченная фраза затерялась где-то в горле.

Как и в тот раз, все произошло слишком быстро, поэтому страх еще не успел в полной мере завладеть моим сознанием. Но стоило заглянуть в глаза Рена, и мое сердце пропустило удар, а затем, забившись о ребра, участило ритм. Следом пришло понимание – Рен намного опаснее Чайки. Более того, их даже нельзя сравнивать, ведь она рядом с ним становится слишком незначительной. И все ее предупреждения вместе с угрозами превращаются в маленькие дружеские советы, а вспышки гнева выглядят нелепой игрой.

– Держи язык за зубами, – с металлом в голосе заговорил Рен. – Никто не должен знать.

Меня окатывает волной жара, к голове приливает кровь, щеки пылают. Лицо Рена непроницаемо. Его длинные пальцы крепче стискивают воротник, и у меня нет даже мысли пошевелиться или отвести взгляд.

– Второе правило, – Рен легонько встряхивает меня, – чем больше вопросов – тем ближе к смерти, – отпускает воротник, затем раздраженно косится на небольшую группу людей, заинтересованных нашим поведением.

Смерив их холодным взглядом, прячет руки в карманы куртки.

– Пойдем, – кивает вперед.

– А какое первое? – осмеливаюсь спросить, но на всякий случай отступаю назад.

– Совсем бестолковая, да? – выдыхая облачко пара, интересуется Рен. – Первое правило ты должна была усвоить еще в прошлый раз, – бросает он равнодушно и, не желая идти рядом со мной, ускоряет шаг.

* * *

На парковке между пикапами суетливо сновали люди в синих рабочих комбинезонах. Некоторые из них о чем-то весело беседовали между собой, пока курили. Другие, с жаром споря, старательно копались в свалке, которая при детальном рассмотрении оказалась сборищем всевозможных гаечных ключей и разных железяк. В воздухе витали запахи пота, машинного масла и выхлопных газов. Осмотревшись, Рен вместе со мной направился к двум припаркованным рядом машинам. Услышав наши шаги, из-под одной выполз парень. Поднимаясь на ноги, схватил тряпку с капота и наскоро принялся вытирать руки.

– Давно не виделись, – произнес он, весело поглядывая на Рена. – Неплохие детальки ты мне подбросил.

В лучах закатного солнца на его нижней губе сверкнули два симметричных металлических кольца. Мой взгляд остановился на украшениях. Заметив это, парень широко улыбнулся.

– Нравится? – заговорщицки зашептал. – Могу и тебе устроить, – он подмигнул мне, а затем бросил тряпку обратно на капот. – Я Удав.

Представившись, он взъерошил свои зеленые волосы и откинул челку со лба, затем принялся разминать затекшие плечи. Видимо, ожидая ответ на свой вопрос, он продолжал с любопытством рассматривать меня.

– Как-нибудь в другой раз, – немного смущаясь, проговорила я.

– Ловлю на слове, – Удав рассмеялся и перевел взгляд на Рена.

– Может, оставишь заигрывание на другой раз? – Рен холодно прервал его. – Нам нужно в Бету.

– Не терпится домой? – с лукавой улыбкой задал вопрос Удав.

– Вроде того.

Удаву что-то прокричали, и он отвлекся от разговора, чтобы махнуть рукой в сторону людей, затем вновь повернулся к нам.

– Хорошо, я вас подброшу, но в саму Бету заезжать не буду, – Удав почесал затылок. – Меня там не особо любят, да и возвращаться одному не стоит. Разберут на запчасти и продадут. А у нас каждое колесо на счету, – произнес это, он указал на припаркованные машины.

– Нет проблем, – равнодушно произнес Рен и, пройдя за спину Удава, через окно заглянул внутрь пикапа. – А вот и вещи, – удовлетворенно проговорил, выпрямляясь.

– Они самые, – Удав достал из кармана пачку сигарет.

Вытащив одну, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

– Чайка велела их сюда принести. На самом деле она приказала швырнуть в тебя два рюкзака, но Мак не стала так делать. Скажи ей спасибо, – хмыкнул Удав, выдыхая дым.

– Скажу, как увижу, – отозвался Рен. – Вещи тоже Мак собирала? Или мне стоит вернуться к Чайке за недостаточей?

– Собирали какие-то ребята из третьего отряда. Не думаю, что они могли напутать. Чайка дала точную инструкцию.

– В прошлый раз не хватило двух банок с консервами и пачки чая.

– А что в этот раз должны были положить?

– Да то же, что и всегда, – туманно произнес Рен.

Один из мужчин, закончив возиться под капотом пикапа, подошел к Удаву и хлопнул его рукой по плечу. Удав протянул ему пачку сигарет. Последовал кивок благодарности и к компании курящих людей, стоящих около машины без колес, присоединился еще один. Рен с легкостью запрыгнул в кузов и уселся на одну из запасных шин.

– Эй, эта машина даже близко к Бете не приблизится, – запротестовал Удав. – Ее совсем недавно собрали.

– Я не буду перетаскивать вещи, – лениво проговорил Рен, вытягивая ноги. – Если тебя так волнует сохранность – можешь отнести рюкзаки в другой пикап. Но даже если ты это сделаешь, я не обещаю тебе сдвинуться с места. Останусь тут.

Удав почесал плечо и, выдохнув сигаретный дым сквозь зубы, махнул рукой.

– Фиг с тобой, – бросил он в сторону Рена, не желая спорить дальше. – Помочь залезть? – поинтересовался он у меня.

Опыт забираться в кузов я еще не приобрела, поэтому не хотелось выглядеть глупо перед Реном, если с первой попытки не получится. Уверена, он стал бы припоминать мне это каждый раз, как только возникала бы необходимость путешествовать таким способом. И хорошо, если только насмешливой улыбкой. Но, судя по недавнему разговору с Чайкой, Рен может и какую-то саркастичную гадость произнести. Я кивнула Удаву, и он сразу же приподнял меня, помогая залезть в кузов, где я устроилась рядом с Реном, скрестив ноги и прижавшись плечом к металлическому боку. Рен с наслаждением прикрыл глаза.

– Не хочешь прокатиться рядом со мной? – запоздало спросил у меня Удав, перед тем как открыть дверь в кабину.

Предложение было довольно заманчивым. Трястись на морозе, но рядом с Реном, или же сидеть в удобном кресле и наслаждаться теплым обдувом печки. Однако выбирать мне не пришлось.

– Она поедет здесь, – отрезал Рен.

– Пусть так, – ничуть не расстроился Удав, усаживаясь внутрь.

Мотор завелся со второй попытки. Немного сдав назад, пикап выехал с парковки. Лагерь Псов быстро остался позади. Солнце плавно садилось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона. Мимо замелькали полуразрушенные дома и спешащие прохожие. Я с интересом рассматривала пустынные широкие улицы с небольшим количеством людей. Видя черный пикап, жители сектора Альфа приветливо поднимали руки и даже что-то кричали вслед. В ответ им Удав сигнализировал клаксоном. Машина свернула за угол, объехала высокий медный колокол и устремилась в сторону моста, рядом с которым на стене белой краской кто-то аккуратно вывел букву А. Мотор взревел громче. Набирая скорость, пикап подпрыгивал на ухабах неровной дороги.

Боясь, что при очередном прыжке меня снесет с кузова, я вцепилась пальцами в металлический борт. Для Рена такая поездка не причиняла никаких неудобств. И все же, присмотревшись к нему, я заметила, что его лицо бледнее, чем обычно, а под глазами залегли глубокие тени.

– Знаешь, почему его прозвали Удав? – вкрадчиво задал вопрос Рен.

– Почему же? – отозвалась я, стараясь как можно меньше проявлять интереса.

– Потому что ему нравится душить своих врагов, – произнес Рен с усмешкой. – Так что аккуратнее с ним, – он вновь закрыл глаза, собираясь проспать всю дорогу.

Я покосилась на Рена, пытаюсь понять, шутит он или же говорит серьезно, но его лицо оставалось непроницаемым. Прекратив попытки докопаться до истины, перевела взгляд на дорогу. Мы проехали в молчании еще несколько метров, прежде чем пикап неожиданно замер. Рен с недовольным видом открыл глаза и хлопнул ладонью по крыше машины. Похоже, остановка была незапланированной.

– В чем дело? – громко поинтересовался Рен, обращаясь к Удаву.

Откуда-то сбоку вынырнула темная фигура. Ловко запрыгнув в кузов, незнакомец правой рукой скинул с головы капюшон, позволяя серебряным волосам заблестеть в полутьме.

– Что, решил проехаться с нами? – увидев знакомое лицо, поинтересовался Рен.

На него уставились внимательные серые глаза.

– Нужно кое-что обсудить, – последовал короткий ответ.

Парень, еще утром подпиравший плечом стену у входа в палату, перевел безразличный взгляд на меня. Рен сразу понял, в чем дело.

– Мелкая, свали к Удаву, – равнодушно произнес он.

– Тебе же совсем недавно не нравилась эта мысль, – отозвалась я.

Рен цыкнул сквозь зубы и слегка повернул голову в мою сторону.

– Ты не поняла, что я сказал? – его жесткий голос пробрал до дрожи.

Пришлось подчиниться. Я поднялась на ноги под раздраженным взглядом Рена и нехотя спрыгнула с кузова. Ноги сразу же по щиколотку утонули в мягком сугробе. Снег налип на ботинки между частями шнурков. Дойдя до кабины, я открыла дверцу и залезла внутрь, устранившись рядом с Удавом. Он бросил беглый взгляд на меня и надавил на педаль газа. Машина вновь двинулась вперед. Печка работала слишком сильно – пришлось расстегнуть куртку. Откинувшись на сиденье, я через зеркало заднего вида попыталась рассмотреть Рена и его собеседника.

– Кто этот парень? – я перевела взгляд на Удава.

– Стин, – он назвал его имя, не отводя глаз от дороги. – Ему нужно было кое-что обсудить с Реном, перед тем как я доставлю вас в Бету.

Мне хотелось знать больше, но в памяти всплыло второе правило Рена. Отворачиваясь от зеркала, я указательным пальцем прочертила линию на запотевшем боковом стекле. Однотипный пейзаж – пустошь, укрытая снегом, и далекий густой лес – постепенно меня укачал.

* * *

Усаживаясь недалеко от Рена, Стин едва заметно нахмурился. Безучастно разглядывая местность, Рен не торопил Стина, позволяя ему собраться с мыслями и сделать первый шаг к разговору. Последние лучи солнца скрывались за горизонтом. Тени от деревьев удлинились на снегу, сплетались между собой, скользили по сугробам, ныряли в снежные ямы.

– Почему ты не оставил ее в лагере? – сдержанный вопрос не заставил себя долго ждать. Рен усмехнулся.

– Не захотел, – спокойно произнес он, продолжая разглядывать окрестности.

– И все? – недоумевал Стин. – Просто не захотел?

Его взволновала такая резкая перемена в поведении Рена. Тот никогда не стремился брать на себя ответственность за других, предпочитая держаться как можно дальше от людей. Исключение – редкая работа в команде. Но даже там Рен не проявлял сочувствие и заботу по отношению к другим. А в этот раз поступил иначе. Не просто помог рыжей девчонке, но и оставил ее рядом с собой, хотя мог пристроить в лагерь Псов. Даже недавнее предложение Чайки – позаботиться о новенькой – превратил в шутку с тонким намеком: «Не лезь».

– Что ты хочешь услышать? – Рен наконец повернул голову к Стину.

– Собираешься с ней, – он выделил последнее слово, – таскаться повсюду?

– Говоришь, как Чайка, – криво улыбнулся Рен, не желая отвечать на вопрос.

В задумчивости Стин несколько раз провел большим пальцем по своей нижней губе. Если хорошо подумать, то Рен иногда становился заинтересованным человеком, при условии, что из дальнейшего сотрудничества мог получить выгоду. Но что взять с рыжей девчонки? У нее даже внешность, за исключением глаз, неброская. Нескладная мальчишеская фигура, низкий рост, да и выглядит она так, словно не понимает, где находится. Конечно, девчонку обманом можно продать на фабрику Беты, только вот Рен таким не занимается. Тогда что им руководит? Любопытство? Неужели за стенами Вавилона слишком маленький выбор девушек, раз он выбрал именно эту? Хотя Стин сам не единожды выходил за пределы города и что-то не припоминал таких вот странных. Там люди, вынужденные выживать небольшими группами и постоянно находящиеся в страхе, привыкли агрессивно реагировать на чужаков. Даже если их выкрадут, всеми силами постараются вернуться в общину. Лишь единицы способны по собственной воле покинуть своих. В голове Стина мелькнула догадка.

– Слушай, – протянул он, – с девчонкой что-то не так, да?

Усталость с каждой секундой все больше давила на Рена. И чтобы сконцентрироваться на чем-то, кроме неприятных ощущений, ему приходилось через силу поддерживать диалог.

– Похоже на то, – ответил Рен, сгибая ногу в колене.

– Я хочу знать, – твердо произнес Стин.

Ветер взъерошил серебряные пряди волос. Рен хрипло рассмеялся, думая про себя о людях, желающих знать правду, и о том, что никто из них не задумывался о цене, которую придется заплатить. Смех продлился недолго – оборвал приступ кашля.

– А не много ли ты просишь? – убирая ладонь от губ, Рен высокомерно покосился на Стину, раздумывая, стоит ли делиться с ним информацией.

Мысли Стина снова вернулись к девчонке. Слишком уж «пустой» она ему показалась. Будь она и правда из поселения – из единиц, готовых последовать за другими в поисках лучшей жизни, – она бы двигалась бесшумно и постоянно шла с оглядкой. Но он услышал ее шаги на лестнице еще до того, как она появилась рядом с ним. Да и замедленная реакция – ему удалось схватить ее за запястье – говорит о многом. Вместо того, чтобы оттолкнуть Стину или ударить, девчонка просто попыталась вырвать руку. Что-то не складывается.

– Я не болтливый, сам знаешь, – как можно равнодушной проговорил Стин, скрывая в своем голосе неподдельное беспокойство. – Мы с тобой уже не первый год ладим.

– Ну да, до поры до времени, – соглашаясь с ним, кивнул Рен.

– Точно. Как только отдам тебе долг, сразу забуду наше общение, и мы превратимся в незнакомцев.

– Не скоро ты его отдашь, – вскользь заметил Рен.

– Успеть бы, – в ответ хмыкнул Стин. – Зела говорила, ты долго не протянешь. Я слышал, как она шепталась с Мак. Интересно?

– Нисколько, – пренебрежительно парировал Рен, закрывая глаза.

– Зела считает, что тебе осталось не больше года, – в голосе Стина не прозвучало ни злости, ни радости, ни сожаления.

Он просто произнес это как факт.

– Плевать, – Рен безразлично пожал плечами.

Какой смысл лишний раз переживать о давно уже совершенном выборе? Он и так много времени потратил на доводы и отговорки для самого себя. В итоге пересилило ядовитое желание стать одним из тех, кого он так сильно ненавидел и кому отчаянно завидовал. Рен пополнил ряды преследуемых ради возможности жить. И не просто жить, а совершать *свои* ошибки, выбирать *свой* путь, следовать *своим* желаниям, вместо того чтобы бездумно существовать, выполняя одно и то же действие по кругу. Но такая вожаделенная свобода не принесла наслаждения, и среди сотен людей Рен все еще ощущал себя подделкой. Неужели он что-то упустил? Какую-то маленькую деталь? А расплата все ближе и ближе. И она не будет ждать, пока Рен отыщет недостающий кусочек пазла. Что ж, когда смерть придет за ним, он поприветствует ее. В конце концов, только она может поставить точку в его бессмысленном существовании. Рен слишком многих отправил к ней, а теперь пришел и его черед с ней познакомиться.

– Ты меня слушаешь? – Стин, привлекая внимание Рена, пощелкал пальцами перед его носом.

– Да, девчонка, – медленно отозвался он.

– Имя у нее хоть есть? – небрежно поинтересовался Стин.

– Нет, – не стал скрывать Рен.

– Ты шутишь, – на одном выдохе произнес Стин и повернулся к заднему окну пикапа.

Пригнувшись, постарался рассмотреть девчонку, но вместо этого зацепил взглядом лишь свое отражение.

– Не хочешь ли ты сказать... – продолжил Стин, усаживаясь как раньше. – Быть не может, – оборвал себя на полуслове.

– Прибывшая, – развеял его сомнения Рен.

Он понял это с самого начала, как только увидел ее. Такие, как он, способны различать скрытое от других. По крайней мере, Рен еще может.

– Но незрячих уже три года не было. Я думал, мир закрыл двери и больше сюда никого не впускает, – в серых глазах застыло неподдельное удивление.

Пытаясь осмыслить сказанное, Стин все еще с недоверием смотрел на Рена.

– Но, – продолжил он, в волнении ероша собственные волосы, – если мир ее пропустил, значит, девчонка совершила что-то ужасное? Возможно ли, что мы, по сравнению с ней, всего лишь детишки в песочнице?

– А ты можешь вспомнить свой поступок? – Рен бросил на Стина красноречивый взгляд.

– Нет, – тот закусил губу. – Никто из нас не помнит прошлую жизнь, – щелкнул языком. – Допустим, она обычная прибывшая, – начал рассуждать он вслух. – В таком случае должны быть и другие. Может, они придут следом за ней?

– Не думаю, – в голосе Рена прозвучало сомнение. – Слишком долго не было пополнения. Да ты и сам знаешь легенду о том, что последний прибывший принесет весть о гибели мира.

– Значит, девчонка вестник конца?

– А похожа? – Рен вопросительно приподнял одну бровь.

Машина подпрыгнула на очередном ухабе. С ветвей склоненного к земле дерева посыпался снег.

– А ты знаешь, как должен выглядеть последний незрячий? – слегка огрызнулся Стин. Его напрягала неизвестность.

– Не знаю, – невозмутимо признался Рен. – Но, по крайней мере, в эту сказку верят многие, так что постарайся не распространяться. Мне не нужны проблемы в виде возродившихся фанатиков.

– О чем ты? – вяло отозвался Стин. – Об этих сумасшедших нет никаких новостей. Вполне возможно, что они уже давно исчезли. Но ты прав, о девчонке не стоит болтать, – он поднял голову вверх и посмотрел на звездное небо. – И все же, где ты ее нашел?

– В сугробе, – не стал скрывать Рен. – Если бы не ее цвет волос, я мог бы пройти мимо. Слишком уж ее платье и цвет кожи сливались со снегом.

О том, что к девчонке его привел аромат красных спелых яблок, Рен не стал упоминать. Да будь она хоть трижды последней прибывшей – он бы не потащил ее с собой. Конечно, он соврал девчонке, сказав, что прикрывался ею для отвлечения внимания. На самом деле она усложнила ему и без того хлопотное задание. Единственное, на что Рен готов был потратить время, – устроить ее во временном убежище и скинуть координаты отряду Псов, чтобы они могли забрать новенькую. Но вместо этого его руки сами потянулись к мелкой. И прежде чем Рен осознал свой поступок, он уже прошел с ней несколько метров.

«Все дело в знакомом запахе, витавшем около нее», – объяснял себе Рен. Этот сладкий, возможно, даже удушающий аромат красных яблок, из-за которого во рту становилось приторно, не позволил пройти мимо. Он будил похороненные воспоминания, которые против воли всплывали из памяти яркими обрывками красок.

Знакомый запах вызывал бурю эмоций, давая понять, – за девчонкой кроется намного больше, чем просто весть о конце света. И пока Рен не нашел ответ на вопрос, что именно связывает мелкую с тем ароматом, он не собирается так просто отпускать ее от себя.

Стоило Рену вспомнить взгляд девчонки, каким она посмотрела на него в первый раз, и он невольно вздрогнул. В ее глазах отчетливо промелькнуло что-то такое, что он усиленно прятал в глубине своей памяти несколько лет. У Рена пробежал холодок по позвоночнику. «Глупости», – не слишком уверенно отмахнулся он от своих мыслей. И все же девчонка, хоть и неосознанно, своими поступками и словами заставляет Рена копаться в прошлом, вынуждает выискивать связующие ниточки с настоящим, не позволяя до конца избавиться от тяжелого груза воспоминаний.

– Так ты решил держать ее при себе? – вопрос Стина вернул Рена в реальность.

– Пока не уверен, – соврал он.

– Хочешь загладить свою вину перед миром, совершив добрый поступок? – Стин попытался докопаться до истинных мотивов Рена. – Или появились чувства?

– Ни то ни другое, – Рен приподнял уголки губ.

– Тогда, может, тебе просто любопытно? – выдвинул еще одну теорию Стин. – Как бы там ни было, я уже узнал все, что меня интересовало. И даже больше, – произнес он, поднимаясь на ноги.

– Что будешь делать с полученной информацией?

– Ничего, – скрывая свое лицо, Стин накиннул на голову капюшон. – Пусть все идет своим чередом. А я займу роль наблюдателя, – он подошел к краю кузова.

– Ты можешь вместе с Удавом вернуться в Альфу. – Рен спрятал руки в карманы куртки.

– У меня осталось незаконченное дело, – объяснил Стин. – Чуть не забыл, – в его голосе улавливался смех, – твои вещи отняли, так что я кое-что захватил для тебя из отряда. Правда, твоего «лекарства» не было. Советую сразу его достать. Также не помешало бы вам с девчонкой переодеться. В форме Псов привлечете ненужное внимание. И еще, – проговорил, оборачиваясь, – по правилам этого мира, тот, кто нашел незрячего, дает ему имя.

Заметив в зеркале отражение Стина, стоящего на краю кузова, Удав сбавил скорость.

– Имя, да? – задумчиво проговорил Рен. Не расслышав его, Стин прыгнул вниз и растворился в сумраке ночи. Пикап снова набрал прежний темп. Собираясь проспать оставшуюся часть дороги до Беты, Рен прикрыл глаза, но через несколько секунд вынужденно распахнул. Он едва успел наклониться за борт кузова, как из его горла хлынула порция темной крови. Сплеывая остатки, Рен протянул руку и зачерпнул немного снега с ближайшей ветки дерева. Вытер рот и лицо. Слепив комок, приложил к ноющему виску. Почувствовав затылком взгляд Удава, Рен поднял вверх большой палец, затем равнодушно посмотрел на небо, выискивая гла-

зами знакомое созвездие. Все мысли Рена крутились вокруг обезболивающего, которое необходимо было достать в рекордно короткие сроки.

Глава 4

Добро пожаловать в Бету

Сидя в машине, я следила за тем, как в свете фар Рен перешнуровывал высокие черные ботинки. Его пальцы ловко сплетали шнурки, завязывая крепкий узел. Рядом курил Удав. Стоило ему чуть сильнее затянуться, и огонек сигареты ярко вспыхивал в ночи. Недалеко на земле лежали два рюкзака. Рен выпрямился и покосился в мою сторону. Прямая гордая осанка, слегка надменный взгляд и едва уловимая насмешка. Сердце сжалось в неконтролируемом приступе беспричинной тоски. На смену ей быстро пришло удивительное чувство спокойствия, будто сейчас я находилась на своем месте. Какая-то часть меня шептала: «Я точно знала Рена». Губы против воли растянулись в легкой улыбке. Встречаясь со мной взглядом, Рен слегка прищурился. Интересно, ощущал ли он тонкую связь между нами? Торопливо распахнув дверь пикапа, я выбралась на морозный воздух. Снег заскрипел под подошвой. Стоило приблизиться к Рену, как он забрал из рук Удава синюю кофту. Передал мне.

– Переодевайся, – безразлично произнес он. – В Бете не должны видеть форму Псов.

Ничего не спрашивая, я взяла ее и бросила на капот. Повернувшись спиной, стянула с себя куртку, следом за ней теплую толстовку. Футболка немного задралась, и холод лизнул оголенную спину, заставляя кожу покрыться мурашками. Вздвогнув от пронизывающего ветра, я быстрым движением поправила футболку и через плечо оглянулась на Рена.

– Давай быстрее, – поторопил он, следом протягивая серого цвета парку.

От связанной из колючей пряжи кофты у меня зачесались руки. Накинув парку и застегнув молнию, я в ожидании дальнейших указаний посмотрела на Рена. Он поднял с земли один рюкзак. Отряхнув от снега, закинул на свое плечо. Второй предназначался мне.

– Ну все, дальше пешком. Тут недолго, – проговорил Удав, затапывая бычок носком ботинка.

– Сам знаю, – лениво отозвался Рен.

Я подхватила свой рюкзак. Удав осмотрелся по сторонам, будто проверяя что-то.

– Вы там поосторожней, – попросил он.

– Не впервой, – хмыкнул Рен.

Они обменялись рукопожатиями, и Удав сел в машину. Опустив стекло, пожелал напоследок удачи, затем завел мотор. Рен махнул ему рукой. Пикап развернулся и поехал в сторону сектора Альфа. В моей голове зародилось смутное беспокойство. Последняя фраза Удава звучала как предупреждение.

– Не отставай, – холодно предупредил Рен. – Я тебя ждать там не буду.

Мы зашагали по направлению к сломанному шлагбауму, спрятанному за деревьями. Одна его часть уткнулась в снег, другая повисла на столбе, обещая в скором времени повторить печальную участь первой. Я шумно выдохнула. Облачко пара взметнулось вверх.

– Город разделен на два сектора, – прервал молчание Рен. – Ты была в Альфе. А теперь черед познакомиться с Бетой – самой опасной частью Вавилона. Там убивают людей не только из-за наживы, но и ради развлечения, – продолжил рассказывать парень. – Понимаешь, к чему я клоню? – криво усмехнулся он. – В Бете живут настоящие отбросы.

– Тогда, – мое горло перехватил спазм, – зачем мы туда идем?

– О нет, мы не просто идем в Бету, – в голосе Рена слышалось нездоровое возбуждение. – Мы возвращаемся домой, – в его глазах вспыхнул враждебный блеск.

Я сглотнула вязкую слюну и спрятала взмокшие ладони в карманы парки. Утопая в снегу, мы с Реном вышли к высокой статуе коня без одного копыта. Половина морды срезана, единственное уцелевшее око таращится в пустоту, на седле черной краской выведена буква Б. О

том, что у коня когда-то был наездник, говорила только рука, крепко вцепившаяся пальцами в гриву. Страх льдом сковал внутренности. Нервно облизав губы и оторвав взгляд от статуи, я поспешила за Реном.

«Дом» встретил нас яркими огнями и шумными криками, прорезающими ночь. От сектора Бета к небу тянулись клубы серого тяжелого дыма. В воздухе чувствовался смог. Рен только раз оглянулся на меня через плечо. Удостоверившись, что я следую за ним, он продолжил путь. Старые покосившиеся дома стояли вразброс. Большая часть из них обрушилась под воздействием времени, другие каким-то удивительным образом выглядели еще пригодными для жизни. Но при рассмотрении оказалось, что жители сектора не делали различий между постройками. Даже в обрушенной части дома на втором этаже, закрыв недостающий кусок стены ширмой из нескольких покрывал, ютились люди. Тусклый свет лампы отбрасывал их тени, а ветер разносил запах пригорелой пищи.

Грязные улицы с мусором, вонь канализации и жженого пластика с резиной, дыры в асфальте, которые постоянно приходилось обходить или перепрыгивать, разбитые фонари, слепящие неоновые вывески, покореженные и разобранные машины, стоящие едва ли не на каждом углу, безвкусно украшенные забегаловки – все это не придавало очарования сектору Бета.

Довольно часто приходилось идти прямо по кускам металла или битому стеклу. И тогда я радовалась тому, что у обуви, которую мне выдали, крепкая подошва, не позволяющая острым предметам вонзиться в ногу.

Стены домов украшали граффити. Некоторые из них, закрашивая предыдущие работы, дорисовывали уличные художники. Под ногами валялись шприцы, баллончики с краской, окурки, пустые бутылки и клочки бумаги. Один из граффитчиков в заляпанной пятнами одежде, желая полюбоваться собственной картиной, сделал шаг назад, задев меня плечом. Не придав значения столкновению, он лишь слегка отодвинулся. Сейчас для него не существовало ничего, кроме собственного творения.

Стараясь не отставать от Рена и как можно меньше вертеть головой по сторонам, я ускорила шаг. Слева раздалась грязная ругань. На балконе, нависая животом над перилами, свешивался мужчина. Вся его речь предназначалась парню, стоящему неподалеку от подъезда. Тот скупно огрызался, провожая глазами девушку, балансирующую ногами на каком-то странном средстве передвижения из металлической пластины и крупного колеса. Прежде чем присоединиться к компании ребят, расписывающих стену, она окинула взглядом Рена. Послышались громкий смех и шипение краски, что под давлением вырывалась из баллончика.

Перепрыгнув очередную яму в асфальте, я наступила на кусок пластмассы. Она с треском сломалась под обувью в тот самый момент, когда из-за угла дома вышла неопрятная женщина в длинном изношенном балахоне. Из-под рваного подола, несмотря на зиму, виднелись перемотанные грязными бинтами босые ступни. Прижимая что-то к груди, женщина тихо напевала. Я пыталась не смотреть в ее сторону, но в итоге не удержалась. Заметив, что я, не отрываясь, разглядываю ее, женщина неожиданно зашипела и высунула раздвоенный язык. Подняв на уровень лица свою ношу – фарфоровую куклу ребенка с разбитой головой и длинными ресницами, – она начала трясти ею в воздухе. Держа за ногу игрушку и раскачиваясь, женщина принялась всхлипывать и причитать. Один глаз куклы закатился. Перепуганная поведением незнакомки, я резко отшатнулась в сторону, и это не укрылось от Рена. Подойдя ближе ко мне, он схватил меня за запястье, рывком утягивая вперед. Всхлипы женщины еще доносились до нас, когда мы свернули в узкую подворотню. Возле горящих бочек, в надежде согреться, собрались люди. Не желая вновь привлекать внимание, я уставилась под ноги, но все равно несколько человек повернули головы в нашу с Реном сторону и проводили хмурым взглядом. Подворотня закончилась таким же узким проходом, ведущим в переулок. В его центре возвышался черный каменный памятник. Застывший с преклоненным коленом и без головы, он двумя руками протягивал лежащий на ладонях мраморный меч с отколотой частью клинка.

Заляпанный странными разводами пьедестал памятника вызывал чувство неприязни. Фонарь разгорелся ярче, вспыхнул и следом прозвучал звук хлопка. Улица погрузилась в темноту. Я тяжело сглотнула и кинула взгляд на Рена. Если в Бете так опасно, почему он не согласился с предложением Чайки оставить меня в лагере Псов? Он даже не предоставил мне выбор. Возможно ли, что Рен решил сделать меня частью своей жизни? Или у него другие мотивы?

– Рен, – хрипло позвала я.

Сердце учащенно билось в груди. Едкий страх неизвестности медленно заполнял сознание.

– Заткнись, – грубо приказал Рен и сильнее сжал мое запястье.

Его поведение стало агрессивным, а черты лица заострились. Не делая попыток вырваться, я поморщилась от боли и прикусила губу. От Рена исходили волны острой ненависти, заставив меня поежиться. Пройдя вперед еще несколько метров, мы поднялись по скользким ледяным ступенькам и нырнули во двор-колодец. Рен вместе со мной направился к зданию, обещавшему в скором времени рухнуть. Весь фасад дома, сужаясь к фундаменту, прочерчивала глубокая трещина. Подойдя к первому этажу, Рен громко постучал в наполовину забитое фанерой окно. Спустя несколько минут оттуда выглянуло неприятное лицо, испещренное множеством неровных шрамов.

– Чего надо? – злобно просипело оно, окинув нас беглым взглядом.

– Позови Тройку, – сдерживая металл в голосе, потребовал Рен.

– Нет его, – злобно выплюнули в ответ. – Ошивается около квартала Шицы.

Лицо втянулось в помещение и больше не выглядывало.

– Твою мать, – сквозь зубы выругался Рен. – Пойдем, – отрывисто бросил он мне.

Пройдя тем же маршрутом назад, мы поднялись по лестнице и свернули в соседний тоннель, где гулял сильный сквозняк. Под ногами противно зачавкало месиво талого снега. Ботинки заляпались грязью.

– Рен, – я вновь позвала его.

Его поведение пугало. Мне необходимо было удостовериться, что он трезво оценивает ситуацию и осознает происходящее.

– Закрой рот, – раздраженно произнес Рен.

– Да что с тобой происходит? – не выдержав, поинтересовалась я, пальцами цепляясь за ткань его куртки и потянув на себя.

Вместо ответа Рен рывком толкнул меня к кирпичной стене. Стоя за моей спиной, свободной рукой схватил мой подбородок и, немного приподняв его и повернув, насколько это было возможно, к своему лицу, впился взглядом в мои глаза. В нос ударил затхлый запах, щеку оцарапала неровная поверхность, а шею от неудобного положения пронзила боль. Склонившись надо мной, Рен отчетливо произнес: «Бесишь», после чего неожиданно отшатнулся и, сделав несколько шагов назад, врезался плечом в другую стену тоннеля. Зажав рот ладонью, Рен согнулся и крепко зажмурился. На его лбу выступили бисеринки пота, сквозь пальцы просочилась густая темная жидкость бордового цвета. Я бросилась к Рену, но он махнул рукой, словно разрезая между нами пространство, и таким образом давая понять – не приближайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.